

КАК ФОРМИРУЮТСЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МОЛОДЫХ ФИННОВ О РОССИИ И РУССКИХ - НА ПРИМЕРЕ ФО- КУС-ГРУППЫ

Анна Ниemi
Дипломная работа
Отделение языков и коммуни-
каций
Кафедра русского языка и куль-
туры
Университет г. Ювяскюля
Весна 2021 г.

JYVÄSKYLÄN YLIOPISTO

Tiedekunta – Faculty Humanistis-yhteiskuntatieteellinen tiedekunta	Laitos – Department Kieli- ja viestintätieteiden laitos
Tekijä – Author Anna Niemi	
Työn nimi – Title Kak formirujutsja predstavlenija molodyh finnov o Rossii i ruskih – na primere fokus gruppy (Miten suomalaisten nuorten käsitykset Venäjästä ja venäläisistä muodostuvat – Focus Group – ryhmäkeskustelujen pohjalta)	
Oppiaine – Subject Venäjän kieli ja kulttuuri	Työn laji – Level Maisterintutkielma
Aika – Month and year Toukokuu 2021	Sivumäärä – Number of pages 112
<p>Tiivistelmä – Abstract</p> <p>Tässä maisterintutkielmassa tutkitaan suomalaisten 21–28-vuotiaiden nuorten käsitysten muodostumista Venäjästä ja venäläisistä. Tutkimuskysymykset ovat seuraavat: 1. Millaisia mielipiteitä ja käsityksiä suomalaisilla nuorilla on Venäjästä ja venäläisistä? 2. Miten heidän käsityksensä muodostuvat keskustelussa?</p> <p>Aihe on ajankohtainen koska Venäjän valtion harjoittama politiikka herättää paljon keskustelua maailmanlaajuisesti. Tämä voi vaikuttaa ihmisten käsityksiin sekä valtiosta että sen kansalaisista. Nykyään myös medialla ja sosiaalisella medialla on paljon vaikutusvaltaa ihmisten käsityksien muodostumisessa. Suomi ja Venäjä ovat rajanaapureita, joilla on pitkä yhteinen historia, tämän lisäksi Suomessa asuu suuri venäjänkielinen vähemmistö (Tilastokeskus 2019). Vuorovaikutusta Venäjän ja Suomen, venäläisten ja suomalaisten välillä tapahtuu monipuolisesti mm. kaupan, kulttuurin, vapaa-ajan ja matkustuksen kautta. Venäjä ei ole vain ulkopoliittinen kysymys – mm. Suomessa asuvan venäläisvähemmistön myötä suomalaisten käsityksiä Venäjästä ja venäläisistä olisi hyvä tarkastella uudenlaisen tuoreen tutkimuksen valossa.</p> <p>Kriittisen diskursiivisen psykologian menetelmän avulla toteutetussa analyysissä huomio oli käsitysten muodostumisessa vuorovaikutustilanteessa, kuitenkin huomioon ottaen aiheen sosiaalinen, kulttuurinen, historiallinen ja poliittinen tausta. Aineistonkeruu toteutettiin kahden Focus Group – ryhmähaastattelun pohjalta, joissa osallistujia oli yhteensä 7. Analyysiosiossa nauhoitetusta ja litteroidusta materiaalista etsittiin Venäjään ja venäläisiin liittyviä toistuvia tulkintarepertuaareja, ideologisia dilemmoja ja subjektien positiota. Tämän lisäksi aineistoesimerkkejä analysoitiin tarkemmin käyttämällä diskursiivisen psykologian työkaluja (discursive devices).</p> <p>Tutkimuksen tulosten perusteella tutkimukseen osallistuneilla suomalaisnuorilla on ristiriitaisia käsityksiä sekä Venäjästä että venäläisistä. Tätä kuvaa hyvin esiinnoitettujen repertuaariparit eli vastakohtaisten käsitysten muodostamat jatkumot: venäläiset ovat tällaisia – venäläiset ovat kuten muutkin, Venäjä on erilainen ja eksoottinen – Venäjä on kuten muut maat, Venäjä-ennakkoluulot ovat paikkansapitäviä – Venäjä-kuva on yksipuolinen. Edellä mainittuihin käsityksiin liittyy sekä essentialismin että ei-essentialismin piiriin kuuluvia käsityksiä kulttuurista ja ihmisistä. Tämä tarkoittaa myös sitä että osallistujat esittivät Venäjään ja venäläisiin liitettyjä stereotyyppioita (positiivisia ja negatiivisia) mutta myös kieltäytyivät niistä ja esittivät ei-stereotyyppisiä käsityksiä.</p>	
Asiasanat – Keywords Venäjä, venäläiset, käsitys, suomalaisnuoret, stereotyyppiat, essentialismi, ennakkoluulot	
Säilytyspaikka – Depository Jyväskylän yliopisto	
Muita tietoja – Additional information	

СОДЕРЖАНИЕ

1	ВВЕДЕНИЕ	1
2	ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФИНЛЯНДИЕЙ И РОССИЕЙ.....	4
2.1	ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФИНЛЯНДИЕЙ И РОССИЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	4
2.2	ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ.....	9
2.3	ПРЕДЫДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	13
3	ГЛАВНЫЕ ПОНЯТИЯ: СТЕРЕОТИП, ПРЕДРАССУДОК И ЭССЕНЦИАЛИЗМ	20
3.1	Стереотип – традиционный и современный подход	20
3.1.1	Старый подход к стереотипам	21
3.1.2	Новый подход к стереотипам.....	22
3.2	Предрассудки, то есть предубеждения	23
3.3	Эссенциальная и конструктивистская парадигма: отношение к стереотипам.....	25
4	МЕТОДОЛОГИЯ.....	28
4.1	Критическая дискурсивная психология	28
4.1.1	КДП и другие методы дискурсивного анализа	29
4.1.2	Главные понятия КДП	30
4.1.3	КДП в исследовании.....	33
4.1.4	Другие исследования в КДП	35
4.1.5	Основные дискурсивные инструменты с точки зрения нашего исследования.....	37
5	МЕТОД И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ	42
5.1	ФОКУС-ГРУППА КАК СТРАТЕГИЯ СБОРА МАТЕРИАЛА.....	42
5.2	ИНФОРМАНТЫ И ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА	45
5.3	АНАЛИЗ.....	48
5.4	АНАЛИЗ.....	52
5.4.1	Первый континуум: <i>русский характер – люди как люди</i>	52
5.4.1.1	Первый конец континуума: <i>русские такие</i>	53
5.4.1.1.1	<i>Русские такие</i> – описание русского характера через негативные стереотипы.....	54

5.4.1.1.2	<i>Русские такие</i> – описание русского характера через позитивные стереотипы	59
5.4.1.2	Второй конец континуума: <i>люди как люди</i>	65
5.4.2	Второй континуум: <i>Россия другая, и предубеждения против России правильные</i> – Россия как другие страны и образ России является односторонним	70
5.4.2.1	Первый конец континуума: <i>Россия другая и предубеждения против России правильные</i>	71
5.4.2.1.1	<i>Россия отличающаяся и экзотическая</i>	72
5.4.2.1.2	<i>Предубеждения против России правильные</i>	77
5.4.2.2	Второй конец континуума: <i>Россия, как и другие страны и образ России является односторонним</i>	80
5.4.2.2.1	<i>Россия, как и другие страны</i>	81
5.4.2.2.2	<i>Образ России является односторонним</i>	83
5.4.3	Идеологические дилеммы	87
5.4.4	Позиция субъектов	91
5.5	РЕЗУЛЬТАТЫ	95
5.5.1	Формирование представлений о русских	95
5.5.2	Формирование представлений о России	98
5.6	ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	101
6	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	106
	СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	109

1 ВВЕДЕНИЕ

В данной дипломной работе мы рассмотрим, как формируются представления молодых финнов о России и русских. Молодёжь – это будущее нашей страны и люди, принимающие решения, поэтому важно исследовать их представления. Россия – наша соседняя страна, и у нас длинная общая история. По данным статистики Статистического управления (Tilastokeskus) в 2019 году русскоязычное население – самое большое языковое меньшинство в Финляндии. В нашей стране всего 81 606 носителей русского языка, это составляет 1,5 % от населения нашей страны (Tilastokeskus 25.3.2020). По национальности русские на втором месте после эстонцев – второе большое народное меньшинство в Финляндии с 28 747. В 2019 году 1 946 русских получили гражданство Финляндии и это самая большая группа. Лотта Лоунаасмери (Lounasmeri 2011, 9) обращает внимание на различия в отношении к стране и к гражданам, когда рассматривают представления о России, потому что россияне не только соседи, а работники, туристы и жители Финляндии. Значит Россия не только внешний вопрос, а внутренний из-за русских, живущих Финляндии. Поэтому важно заметить различие между представлениями о государстве и о людях.

Наша цель не только показать, что информанты знают и думают о России и русских, но и уделить внимание процессу формирования их представлений. Иначе говоря, мы концентрируемся не на том, *что* они говорят, а на том, *как* они говорят и в *каком контексте*. Для анализа нашего эмпирического материала, собранного на базе двух фокус-групп, мы используем метод критической дискурсивной психологии. Цель нашего исследования – изучить содержание и характерные признаки представ-

лений молодых финнов о России и русских, а также процесс формирования их представлений. Нас также интересуют их отношения к данной тематике. Наши главные исследовательские вопросы следующие: какие мнения и представления у молодых финнов есть о России и русских, и как их представления формируются в обсуждении.

Представления о народе и стране тесно связаны со стереотипами. (Yzerbyt, et al., Taylor & Francis 2003.) Следовательно, мы должны обсудить понятие стереотипа, включая и старый традиционный подход, и новый конструктивистский подход к стереотипам. Новый подход к понятию стереотипа связан с нашим методом, т.е., с критической дискурсивной психологией. Мы рассмотрим, существуют ли в нашем материале стереотипные представления. В дополнение мы обращаем внимание на представления, в которых информанты отказываются от стереотипов. Важно помнить, что стереотипы могут быть и отрицательные, и положительные. Мы также обсуждаем результаты предыдущих финских исследований о представлениях о России и русских.

Далее, мы называем два подхода к стереотипам эссенциальным и неэссенциальным подходами. Мы разделяем представления наших информантов на эти две категории: эссенциальные (связанные с стереотипами) и неэссенциальные (отказ от стереотипов). Эссенциальное – устойчивое (постоянное, неизменное) представление о мире, культуре, человеке и т.д., и это тесно связано с стереотипами. Неэссенциальное – более свободное, гибкое представление, отказ от стереотипов (Holliday 2011). В аналитической части нашей работы мы рассмотрим представления более подробно; это мы сделаем на основе теории критической дискурсивной психологии и её понятий, а также с помощью дискурсивных инструментов дискурсивной психологии (discursive devices).

Мы также исследуем, откуда наши информанты получают информацию, и как эти источники влияют и используются в формировании их представлений. Мы будем показывать и сравнивать результаты предыдущих исследований с нашими результатами. Также коротко сравним методы этих исследований с нашими методами, потому

что они довольно сильно отличаются. Из-за маленькой выборки нашего исследования и в соответствии с нашей качественной методологией мы не можем исследовать представления всех молодых финнов, или представлять их как постоянные, или делать обобщения. Согласно нашей теории и методологии, представления зависят от дискурсов: они местные и они изменяются в разных контекстах. По Филлипс и Йоргенсен (2004, 101) язык является нестабильным явлением, значит значение изменяется, и оно никогда не станет полным или постоянным. Мы рассмотрим, как представления формируются в социальном процессе обсуждения, какие дискурсивные средства используются в создании этих представлений.

В нашем исследовании мы рассмотрим какие мысли возникают, когда молодые финны обсуждают Россию и россиян, то есть представления индивидуумов о соседней стране и представителях другой культуры. Как мы уже заметили, Финляндия и Россия - соседние страны, и в Финляндии существует большое количество россиян, и в связи с этим мы рассмотрим важные определения нашего исследования с точки зрения межкультурной коммуникации. Самые значительные понятия в нашем исследовании: *представление, стереотип, предубеждение*, то есть *предрассудок, эссенциализм*. В дополнение понятия критической дискурсивной психологией являются важными: *репертуар интерпретаций, идеологическая дилемма и позиция субъектов*. Наши методы и теории: *фокус группа, критическая дискурсивная психология и дискурсивная психология*.

2 ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФИНЛЯНДИЕЙ И РОССИЕЙ

2.1 ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ФИНЛЯНДИЕЙ И РОССИЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Отношения между финской и российской культурами имеют длинную историю. Например, когда Финляндия была частью Российской Империи в 1809–1917; и страны воевали друг с другом во время Второй мировой войны. Сейчас в Финляндии есть большое количество русских иммигрантов и финнов, у которых есть русские корни. Большое количество финнов часто ездят в Россию, чтобы работать, встретить друзей, живущих в России или просто отдыхать и путешествовать по России. Например, поезда «Аллегро» ездят в Санкт-Петербург четыре раза в день и поезд «Лев Толстой» до Москвы один раз день. Отношения между представителями этих двух народов существуют уже очень давно, но, несмотря на это, по предыдущим исследованиям, Россия и россияне кажутся чужими для многих финнов (Seppänen 2010, Vanhalakka 2019). По многим исследованиям, когда у людей нет знаний или опыта, вероятнее, что тогда появляются стереотипные представления (Nelson 2009, Dervin 2011.) В начале нашего исследования мы рассмотрим общую историю этих двух соседних стран - из-за длинной общей истории Финляндии и России важно раскрыть

эту собственную историю. Кроме того, согласно нашей методологии, критической дискурсивной психологии, важно изучать исследуемую тему в историческом контексте. (Wiggins 2017, 45.)

Автор книги *Suomi on venäläinen* (Финляндия - русская) Марьё Вилкко (Marjo Vilkkö 2015) отмечает, что “всегда, когда в России происходят изменения, финны снова обдумывают свои представления о себе.” По мнению Вилкко это связано с длинной общей историей и расположением стран. Поэтому нам кажется, что эта тема важная для финнов. Когда мы исследуем эту тему нам обязательно нужно обратиться к истории и сегодняшней ситуации. В своем исследовании Рютёвуори-Апунен и другие (Rytövuori-Apunen 2008, 20) стараются изучать знание об истории и историческое сознание, так как, согласно им, груз прошлого имеет значение в истолковании сегодняшнего дня.

Согласно Кангаспуоро (Kangaspuuro 2011, 231) рассказы о войнах против СССР являются частью финского народного представления об истории, о Финляндии и финской идентичности. Одновременно в рамках войн оценивают Россию и русских. Кангаспуоро полагает, что у истории и народных представлений важная роль в формировании национальных идентичностей. Он продолжает, что это создание идентичности всегда происходит по отношению к иному, другому, чужому. С точки зрения Финляндии эту роль чужого играет Россия (Kangaspuuro 2011, 232).

С географической точки зрения Финляндия находится на севере, но с политической точки зрения между западом и востоком. Этот факт влиял и ещё влияет на внешнюю политику Финляндии. Общая история Финляндии и России – длинная - иногда отношения с нашей соседней страной прохладные, иногда тесные и дружественные. Всё же эти две страны поддерживали свои связи долго, и мы представляем, что так и будет.

По мнению Вихаваинен (Vihavainen 2004, 9) общую историю этих стран можно называть трагической из-за постоянных пограничных войн и оккупаций. По нашему

мнению, эта история не является только трагической и грустной. Сегодня много передвижений через границу Финляндией и Россией – работники, туристы, люди на экскурсиях, путешествия, чтобы встретиться с родственниками, командировки и т.д. Такие отношения уже существовали в 1800 г., – когда Финляндия была частью Российской Империи. Например, в Санкт Петербурге жило большое число финнов. В Финляндии были много русских, потому что в 1809–1917 годах Финляндия, хотя имела автономию, она не была независимая. Тогда страна принадлежала России и называлась Великом княжеством Финляндским. Русские путешествовали в Финляндию, и также русские государственные служащие приезжали в княжество и Финляндией руководили из Санкт-Петербурга.

Какие были отношения между Финляндией и Россией и их гражданами в это время? Мы представим это кратко. Вилкко (Vilkko 2015, 335) отмечает, что одна из проблем между Финляндией и Россией – незнание истории друг друга. Это может значить, что люди плохо знают историю своих стран и, в частности, не очень знакомы с их «общей» историей, когда Россия и Финляндия были частью одного государства.

Финляндия стала частью Российской империи после Финской войны (или Русско-Шведской войны) 1808–1809 гг. До этого Финляндия принадлежала Швеции. Во время этого периода Финляндия воевала с Россией много раз, и Россия оккупировала Финляндию. Можно сказать, что перед своей независимости Финляндия была пешкой великих держав, и Россия одна из них. Вихавайнен (Vihavainen 2004, 28) рассказывает, что в Великом княжестве Финляндском отношения граждан к России возможно менялись согласно общественным классам: у крестьян холодные отношения из-за страха крепостного права и за свою лютеранскую религию, также память о прошедших войнах была ещё свежей. Священники тоже относились с сомнением к России, но чиновники, например, офицеры относились более положительно, потому что у них был общий язык, французский, с российскими офицерами. В Финляндии отношение к русскому языку также было изменчивым. Например, генерал-лейтенант и политический деятель Вон Котен (1807-1880) хотел умножить знание о России и

уменьшить возможные предрассудки с помощью распространения знания русского языка и Российской империи. Тогда в Финляндии такую идею считали непонятной (Vihavainen 2004, 48).

В 1889–1916 в княжестве политическая ситуация изменилась, была принята политика русификации Финляндии (suomettuminen). Тогда, например, старались поддерживать статус русского языка как третьего языка (финский и шведский язык) в княжестве, например, названия улиц надо было также писать на русском языке. В 1898 Н.И. Бобринский стал генерал-губернатором Финляндии, и период его правления называют годами угнетения. Период закончился, когда Эйген Шауман убил Бобринского в 1904. Вилкко (Vilkko 2015, 56) отвергает угнетение и считает термин ошибочным. Она считает это типичным старанием этой эпохи унифицировать и модернизировать империю.

В 1917 году Финляндия получила свою независимость вследствие революции в Российской Империи. После этого в Финляндии был общественный и социальный хаос, и тогда вспыхнула гражданская война. Эта война разделила народ на две части – красные и белые, то есть низший класс и привилегированный класс. Можно также представить эту войну как войну между разными политическими партиями: левыми и правыми. Белых поддерживала Германская Империя, а Российская советская республика помогла красным. Также многие названия этой войны объясняют её противоречивость: «классовая война», «гражданская война», «братоубийственная война», «красный мятеж», «освободительная война». Название «освободительная война», значит война белых против красных, которых поддерживала Россия – белые освободились от красных, поддерживающих России, то есть это было освобождение от России. Связь с Россией оставалась крепкой, хотя Финляндия уже стала независимой.

С 1917 форма правления Финляндия демократическая, а в России власть оставалась у партии большевиков и официальным названием стал СССР – союз советских «социалистических» республик (1922–1991). Мы кратко представим политические события этого периода. Финляндия как независимая страна первый раз воевала с СССР

во время Второй мировой войны в 1939–1945, в двух разных войнах: зимняя война и война-продолжение или летняя война. В России эти советско-финские войны, знакомые под названием Советско-Финский фронт Великой Отечественной войны; это значило - война против нацистской Германии и её европейских союзников. Из-за этих войн Финляндия сохранила свою независимость, хотя потеряла территории, так как часть Карелии перешла к СССР.

СССР стал победителем в войне, в Финляндии начали относиться к России по-другому. Вилкко (Vilkko 2015, 299) описывает, что после войны была тяжелая политическая ситуация - враг вдруг стал другом. Она продолжает, что возможно тогда произошли изменения в отношении к России. Во внешней политике начинали следовать линии Паасикиви, президента Финляндии. Было стремление строить хорошие отношения с СССР и не дать причины захватить Финляндию, чтобы сохранить независимость отечества. По мнению Вилкко (Vilkko 2015, 303), во время Паасикиви (1946–56) в Финляндии стали развивать политику нейтралитета; во время Кекконена (1956–81) укрепили нейтралитет и заботились о сохранении дружбы между странами. Она уточняет, что тогда, например, пресса не могла критиковать СССР, и эту дружбу между странами всячески поддерживали. Финляндия справилась с выстраиванием хороших отношений с СССР, однако это производит впечатление о том, что СССР задал условия этой дружбе.

В 1991 году произошёл распад Советского союза, и Российская Федерация стала независимым государством. После холодной войны президент Мауно Койвисто начал более свободную линию в финской внешней политике. В 1995 году Финляндия стала частью Европейского союза. Можно сказать, после этого Финляндия не нейтральная страна, а она связала себя с западной Европой. Это, конечно, создает некоторые противоречия между Финляндией и Россией, но, наверное, сейчас отношения более равноправные, чем раньше. По исследованию Ноккала (Nokkala 2008, 89) информанты считают, что сейчас отношения нормализовались - больше понимания и открытости, отношения между странами более равные. Ноккала (Nokkala 2008, 89)

продолжает, что, хотя Финляндия стала ближе к западу – эти отношения не заменили отношения с Россией. Также вопрос о НАТО вызывает много дискуссий и в Финляндии, и в России. В исследовании Ноккала (Nokkala 2008, 89) вопроса о возможном членстве Финляндии в НАТО, результаты, т.е., ответы информантов, можно разделить на две группы. Этот вопрос был: реагировала бы Россия на возможное членство Финляндии в НАТО? Главное суждение это, то, что России это бы не понравилось, но во всяком случае Финляндия не была бы проблемой для России

2.2 ОТНОШЕНИЕ К РОССИИ

Мы согласны с Раутавуама (Rautavuoma 1997), что финское слово *asenne* сложно перевести на русский язык; на английском перевод был бы *attitude*. Наша глава называется отношение (*asenne*) к России. В этой главе мы обратим внимание на то, как в Финляндии в настоящее время относятся к России.

У нас всех есть свои взгляды и отношение, поэтому не удивительно, что именно это понятие исследуется в сфере социальной психологии больше всего (Cooper, Keller, Blackman 2016.) Мы не будем глубоко рассматривать понятие отношения, но все же нам нужно определить это понятие, потому что отношение к России и представления финнов о России связаны друг с другом.

Мы посвящаем целую главу этой теме, потому что нам кажется, что у финнов есть много разных мнений о России, и в финских СМИ Россия представлена в разных контекстах, но обычно не очень положительно. По Ванхалакка (Vanhalakka 2019, 35), сегодняшний образ России в Финляндии основывается на базе следующих факторов: история, знаменитости, преподавание о России в финской школьной системе, организации ведущих дел, касающихся России, выученные отношения и представление СМИ. Она добавляет, что именно те люди, которые не посещали Россию или не имели

особенного знания о России, испытывают влияние на формирование образа России через эти факторы. (Vanhalakka 2019.)

Вилкко (Vilkko 2015, 333) отмечает, что мы, финны, наблюдаем за отношением к России друг друга, и довольно легко классифицируем друг друга на основе этих отношений, как ненавидящих и любящих Россию (suomettuneiksi). Вследствие этого можно сделать вывод, что много эмоций связано с этой темой. По Дж. Купер, К. Келлер, Ш. Блэкман (Cooper, J., Blackman, S. J. & Keller, K. 2016, 2) отношение выражает мнения и эмоции человека относительно какого-то явления или дела. По мысли Ахонена (Ahonen 1994, 117) представление и мнение неодинаковы; представление сильнее мнения: это образ чего-то, основанный на опыте человека. На основе представления индивидуум анализирует информацию. Согласно Куперу и др. (Cooper et al. 2016, 3) у отношения много важных задач: выразить оценки, влиять на наши представления и определять наше поведение. Таким образом, отношение и представление взаимодействуют.

Согласно результатам исследования Ноккала (Nokkala 2008, 88), несмотря на то, что сегодняшние отношения между Россией и Финляндией считаются хорошими или, по крайней мере, удовлетворительными, результаты показывают, что прошлое влияет на людей, принимающих решения, – этот груз прошлого объясняют и поддерживают с помощью общественного мнения или обобщая различия. Говорят, что прежний опыт связан с эмоциями и ценностями.

Микконен (Mikkonen 15.9.2016) пишет в своем исследовательском блоге, что его волнуют более резкие отношения к России из-за международной ситуации, и то, как это всё влияет на изучение вопросов, связанных с Россией. Он продолжает, что несмотря на критические новости в СМИ, научный продукт должен быть объективным, на высоком уровне. Он критикует, например, исследование (30.8.2016) внешнеполитического института (ФИИА, FIIA), потому что там Россия показана только как угроза из-за использования прежних материалов и, таким образом эти исследования предлагают мало нового.

Мы хотим найти что-то новое по этой теме, поэтому у нас материал собран новым способом (фокус-группа). Также и методология, и метод анализа (критическая дискурсивная психология) являются новыми в этой сфере исследования в Финляндии. В дополнение к этому мы покажем результаты самых последних исследований об этой теме, и исследования, проводимые при помощи методологии критической дискурсивной психологии. Мы согласны с Микконеном, что слишком часто заметные и яркие заголовки в новостях бросают тень на науку. Сейчас мы покажем, какие отношения к России существуют в финских СМИ.

Политическая деятельность России вызывает дискуссии и в Финляндии и других странах, и в международных СМИ. Лоунасмери (Lounasmeri 2011, 12) показывает, что в финских новостях, Россия – одна из главных стран, хотя она отличается от других, и её изображают какой-то иной и чужой. В статье Луукка (Luukka 2019), по мнению прежнего премьер-министра Финляндии Пааво Липпонена: «В Финляндии существует слишком много предубеждённой оппозиции против России». Липпонен отмечает, что такая оппозиция появляется особенно в СМИ.

Вот некоторые из новостей о России: В 2013 году в России приняли закон, запрещающий пропаганду гомосексуализма; кризис в Украине в 2014 году и ещё продолжается; допинг-скандал 2015; дело об отравлении в Великобритании; вопрос о влиянии России на президентские выборы в США в 2016; возможное изменение в Российской конституции, по которому Владимир Путин может продолжать быть президентом России до 2036 года; и, наконец, новость – дело об отравлении Алексея Навального, представителя оппозиции в России. Это некоторые из основных событий, о которых появились в новостях, связанных с Россией в г. 2013 – 2020.

По исследованию «В парламенте единый фронт: У депутатов широкий/полный консенсус о политике безопасности в Финляндии» (Eduskunnassa yhtenäinen rintama: Kansanedustajilla laaja konsensus Suomen turvallisuuspolitiikasta, Charly Salenius-Pasternak), опубликованному в 4.2.2020 внешнеполитическим институтом Финляндии, восемь из десяти депутатов финского парламента считают, что перемены в России – это

одно из явлений, которые вызывают беспокойство. Остальные четыре явления: миграционный кризис в мире, угрозы против информационных сетей, международный терроризм, ситуация на Ближнем Востоке. Можно сказать, что об этих всех пяти темах часто пишут в финских и в международных СМИ.

Мы раньше представили работу Микконена об исследовании внешнеполитического института (ФИИА, FIIA). Он продолжает, что этот исследовательский институт связан с парламентом, и в СМИ внимательно наблюдают отчёты этого института. По Лоунасмери (Lounasmeri 2011), финские СМИ пишут о России с негативным оттенком и относятся к России более критически, чем к другим странам, и одновременно используют исследования ФИИА, которые по мнению Микконена, предлагают мало нового. Может быть здесь существует какая-то связь? Согласно исследованию Ванхалакка негативный образ о России в финских СМИ сложился из-за русской элиты, а не из-за самих русских. Следовательно, при подчеркивании разделение между российским государством и обычными гражданами, образ русских людей может становиться лучше. (Vanhalakka 2019, 39.) По мнению Микконена, Россия и русские не одно и то же; и, например, не все финны согласны и идентифицируют себя с правительством своей страны. (Mikkonen 15.9.2016)

Надо вспомнить, что не только новости и СМИ предлагают нам информацию о России, а также индустрия развлечений в Финляндии и международная индустрия развлечений, т.е. ТВ-шоу, фильмы и т.д. По Ванхалакка (Vanhalakka 2019, 35) финны и особенно те, кто не имеют собственного опыта о России, создают представления о России и русских, кроме СМИ, через, разных личностей: например, Вилле Хаапасало является одной из таких личностей. В нашем и также в других исследованиях (Salmela 2013, Vanhalakka 2019) о представлении финнов о России и русских респонденты отметили Вилле Хаапасало: он знаком многим финнам по его разным шоу, в которых он путешествует по России и показывает Россию и русских. Ванхалакка (Vanhalakka 2019, 35) отмечает, что образ России в этих ТВ-шоу Хаапасало является только позитивным. Поэтому, согласно результатам исследования Салмела (Salmela 2013, 39),

представления финнов о России и русских в этом контексте позитивные. Критически рассматривая этот вопрос, можно заключить, что данные представления могут показывать обобщения и позитивные стереотипы, а это предлагает, что есть и негативные. (Nelson 2009.) В данном случае проблема со стереотипами в том, что образ России станет слишком простым, вместо более многостороннего образа.

2.3 ПРЕДЫДУЩИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В Финляндии существуют множество предыдущих исследований о представлениях финнов о России, и именно о представлениях молодёжи, проведённых со времен СССР до сегодняшнего дня. Например, П. Раиттила опубликовал много исследований на эту тему. Это явление исследовалось на разных уровнях: с точки зрения индивидуума, как в работе Салмела «Представления финских гимназистов об изучении русского языка, русской культуре и России» (Salmela 2013). Также в другом контексте: как Россия и россияне представлены в финских СМИ; например, работа Лотты Лоунасмери «Таким образом о соседе – представления СМИ и граждан о России» (Lounasmeri 2011). Исследование Йенны Ванхалакка также проведено с точки зрения СМИ: «Образ России в финских СМИ» (Vanhalakka 2019).

Многие исследования стремятся показать главные источники информации, связанные с Россией и русскими. СМИ или раньше телевидение и газеты оказались самыми важными источниками информации, например, в исследовании П. Раиттили

«Молодые финны и восточная страна чудес» (Raittila 1998). Раиттила также упоминает дом и семью как один из факторов, которые сильно влияют на мнения и позиции молодёжи, и может влиять сильнее, чем они сами осознают.

В университете Ювяскюля на кафедре русского языка и культуры ранее проводились исследования о представлениях финнов о России. Например, следующие исследования: М. Раутавуома «Представления молодёжи в возрасте от 13-ти до 14-ти о России, русских и русском языке» (Rautavuoma 1997); Т. Рааппана «Толерантность молодёжи города Оулу: стереотипы и представления о России, русских и русском языке» (Raappana 2005). Самые последние исследовательские работы, например, М. Салмела (Salmela 2013) и Э. Ншом (Nshom 2017).

Исследование Салмела (Salmela 2013) концентрируется на представлении об изучении русского языка, русской культуры и России. Подход исследования качественный, и сбор материала проведён с помощью письменного опроса. Информанты исследования – гимназисты из района Средней Финляндии, из городов Ювяскюля и Саяриярви. Половина информантов изучает или изучала русский язык, т.е. эти информанты знакомы с русским языком и культурой. Вторая половина не изучает русский язык.

Следующие источники являются источниками этих информантов о России и русской культуре: СМИ, учебники и преподаватели русского языка. Исследователь замечает, что для гимназистов, не изучающих русский язык, другими источниками сведений о России являются уроки по другим предметам, как, например, история. Всё-таки автор делает замечание, что надо учесть другие источники и их влияние на представление информантов, т.е. друзья, родственники и т.д. Она добавляет, что главными источниками информации являются СМИ и уроки в школе (Salmela 2013, 9–10).

В нашем исследовании информанты - другая группа, финны 21–28 лет, поэтому нам трудно определить общие источники (т.е., учебники и т.д.), кроме финских СМИ. Все же, мы также хотим узнать об источниках информации, связанных с Россией, и

нам важно, чтобы наши информанты были максимально гетерогенной группой, состоящей из работающих людей и студентов. Мы обдуманно не хотели, чтобы наши информанты профессионально, т.е. через учёбу, школу, были знакомы с русским языком или культурой. Важно, чтобы они не изучали русский язык и культуру, не были так называемыми специалистами в сфере русского языка и культуры.

Выводы исследования Салмела: для гимназистов изучение русского языка кажется даже полезным, их знание о русской культуре довольно стереотипное и у них негативное представление о самой стране: там бедность и холодно, но для путешествия страна хорошая. (Salmela, 2013.)

Диссертация Элвиса Ншома «Воспринимаемая угроза и предрассудок против иммигрантов и русского меньшинства, живущего в Финляндии» (Nshom 2017) о предубеждениях финнов переходных возрастов против российского меньшинства и меньшинств вообще в Финляндии. Цель данного исследования показать отношения финнов к русскому меньшинству в Финляндии. Эта тема была выбрана из-за того, что русское меньшинство в Финляндии одно из самых больших; также тема была выбрана из-за актуальности: кризис иммиграции в Финляндии в 2015-ом году. Исследователь добавляет, что также из-за общей границы Финляндии и России.

Подходом исследования является количественным. Материал собран с помощью письменного опроса. Основная теория исследования ИТТ, ИТТ, т.е. Integrated Threat Theory. Исследователи показывают по ИТТ разные типы угроз: настоящие угрозы, символические угрозы, негативные стереотипы, межгрупповая тревога.

В работе выясняют, как представления об угрозах влияют на позиции (отношение) молодых финнов по отношению к русскому меньшинству. Выводы исследования Ншома: для финнов русское меньшинство в Финляндии является угрозой. Исследование Ншома доказывает, что негативные стереотипы создают негативные позиции. Исследователь замечает, что настоящие и символические угрозы связаны с предубеждениями и негативными стереотипами против иммигрантов. И эта связь не меняется среди молодых финнов разных возрастов. (Nshom, 2017.)

В книге Л. Лоунасмери (Lounasmeri 2011), исследователи представляют свои исследования о представлениях финнов разных возрастов и финских СМИ о России и русских. П. Раиттила провёл исследование в 1988 г. и в 2011 г., в этой книге он сравнивает результаты данных исследований и также рассматривает представление о России в финских СМИ, и как эти представления соотносятся с гражданскими представлениями. Раиттила делает то же замечание, которое мы также сделали – об этой теме провели множество исследований (Raittila 2011, 125). Он продолжает, что большинство данных исследований сделаны на базе литературных, печатных работ, т.е. книг, публикаций экспертов, - и только некоторые сделаны, например, на базе интервью (там же 125). Это значит, что предыдущее исследование сосредоточивалось на представлениях так называемой элиты, которая является более знающей и активной. Раиттила вместо этого собирал информацию от «обычных финнов» через интервью и опрос (Raittila, 2011, 125).

Сейчас мы коротко покажем результаты исследования Раиттила, они представлены в статье, опубликованной в книге Л. Лоунасмери (Lounasmeri 2011). Раиттила провёл опрос и интервью в 1988–89 годах и в 2011-ом году. К тому же он сделал опрос, у которого выборка 10 000 информантов, и тематические интервью для небольшой группы информантов (Raittila, 2011, 130). По Раиттила (Raittila 2011, 133), отправным пунктом анализа является оценка о влиянии культурного уровня, т.е. образовательного уровня у населения. Иными словами, каково влияние прежних представлений о России и русских. У нас также есть цель показать, откуда молодые финны берут свои мнения и представления, и какое влияние оказывают на них взгляды старшего поколения. Образ врага – одно из старых представлений.

Результаты опроса и анализа интервью Раиттила не объясняют, каким образом большая часть финнов относится к угрозе России. Всё-таки по исследованию Раит-

тила очевидно, что такое ощущение возможной угрозы существует. Однако, по результатам Россию не считают агрессивным соседом, а великой державой, которая заботится о своих границах и территориях (Raittila 2011, 144.)

С другой стороны, имеются также исследования о взглядах русских о Финляндии и финнах. Например, работа М. Кангас (Kangas 2015) «Представления российских студентов о финнах и Финляндии». Согласно исследованию, у информантов много представлений о Финляндии и финнах, хотя большая часть информантов никогда не были в Финляндии. Большинство из этих представлений позитивные. Согласно результатам исследований, большая часть представлений не основывается на прямых источниках. Вывод исследования следующий: эти представления не оказывают негативного влияния на коммуникации между этими студентами и финнами. (Kangas 2015.)

Интересно заметить, что обычно в результатах исследований по данной теме у финнов есть больше негативных стереотипов, предубеждений и позиций, т.е. отношений против России и русских, чем у русских против Финляндии и финнов (Seppänen 2010). По мнению Сеппанена в основе этих представлений эмоции и отношения финнов. (Seppänen 2010.) В основной статье «Русские оценивают Финляндию» газеты Kouvola Sanomat (Venäläiset arvostavat Suomea, 15.9.2019) пишут о том, что русским нравится Финляндия, и именно тем, которые живут около границы. В статье отмечают, что результаты исследования Внешнеполитического института поддерживают этот аргумент: 71% русских относятся положительно к соседней стране.

Писатель статьи Пекка Лакка (Lakka 2019) полагает, что отношения финнов к России могут ещё являться отрицательными, и возможно это так из-за деятельности русского государства. Он, как Микконен, считает, что надо вспомнить: государство и его граждане – не одно и то же. По мнению Лакка, в данном исследовании об отношении финнов к России существует большая потребность. Как в вышеупомянутых исследованиях, также в работе Кангас замечают, что важно знать об этих представлениях, потому что они влияют на межкультурную коммуникацию между этими народами.

Наше исследование в этой сфере

Актуальность данной работы заключается в выявлении содержания и процесса формирования представлений молодых финнов, кто работает или учится, о России и русских. Мы проводим исследование на основе фокус-группы, используя для интерпретации исследовательского материала понятия критической дискурсивной психологии и дискурсивной психологии. Кроме того, наше исследование отличается от вышеупомянутых исследований по методологии и методу анализа.

Мы, как и Раиттила, решили концентрироваться на изучении представлений «обычных молодых финнов». Нас интересует, каких представлений и мнений о России и русских придерживаются индивиды. Мы решили собирать материал на основе фокус-группы также с молодыми людьми, которые не учатся в финских вузах. По нашему представлению студенты вузов также определенная группа людей: скажем, они не «обычные молодые финны», и поэтому наши информанты не являются студентами финских вузов. Нас интересуют именно мнения и представления финнов разных групп – работающих, неработающих, студентов.

В нашем исследовании, как в исследовании Салмела, мы обращаем внимание и на граждан, не только на страну и культуру. Мы согласны с Кангас, что представления влияют на межкультурную коммуникацию, и поэтому обращаем внимание на эти представления: какие они, изменились ли они со временем, какие возможные причины возникновения этих представлений.

Хотя, у нас довольно много общих черт с предыдущими исследованиями по этой теме, мы выбрали совсем новый подход к этой теме с точки зрения сбора материала - фокус-группа, - и этот выбор повлиял на выбор нашего метода анализа: дискурсивная психология и её критический подход, т.е. критическая дискурсивная психология. Это значит, что мы, в отличие от предыдущих исследований, стремимся показать не пред-

ставления финнов о России, а то, как эти представления формируются в определенном контексте, в обсуждении. Следовательно, на наш взгляд представления не постоянные, неизменные, а, как и другие представления они изменяются, и это зависит от контекста; значит они могут меняться в одном выступлении.

Мы будем сравнивать наши выводы с выводами предыдущих исследований. Из-за маленького количества информантов и качественного метода анализа мы не можем сделать обобщения, но мы можем выяснить эти представления и открыть мир взглядов этих информантов в этом контексте.

3 ГЛАВНЫЕ ПОНЯТИЯ: СТЕРЕОТИП, ПРЕДРАССУДОК И ЭССЕНЦИАЛИЗМ

3.1 Стереотип – традиционный и современный подход

По ТСРЯ Ожегова и Шведовой (2010) слово стереотип: 1. типографическая печатная форма – рельефная копия с набора или клише. 2. Прочно сложившийся, постоянный образец чего-нибудь, стандарт. Пример: *Действовать по стереотипу*. По современному ТСРЯ Кузнецова (2001) слово стереотип: 3. привычное отношение человека к какому-либо явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта. Устаревшие, предвзятые представления, связанные с предрассудками.

Понятие стереотипа в первый раз появилось в книге Уолтера Липпмана *Public Opinion* в 1922 г. (Общее мнение). Хотя Липпман не очень точно определил это понятие, он объяснил его как образы в нашем уме, сознании. По мнению Липпмана, люди используют эти образы, чтобы лучше понимать мир, потому что без них его трудно осознавать. (Lippmann 1922)

Наше исследование о представлениях не концентрируется на стереотипах, но мы хотим показать спектр разных представлений, и каким образом они формируются

и это связано со стереотипами. Мы будем объяснять это понятие и покажем традиционный и современный подход к стереотипу. Далее мы будем выявлять, что-такое стереотипы, и почему они проблематичны.

3.1.1 Старый подход к стереотипам

Лииса Сало-Ли (Salo-Lee 1996, 16) показывает следующие присутствующие элементы в межкультурной коммуникации: стереотипы, предубеждения, т.е. предрассудки и неуверенность. Согласно Сало-Ли (Salo-Lee 1996, 17) у стереотипов важная задача – уменьшить неуверенность, которая связана со встречей чего-то чужого. По Сало-Ли (Salo-Lee 1996, 17) стереотипы – это обобщения определенной группы людей. Они могут быть эффективные и вредные. Она (1996, 18) добавляет, что вредные стереотипы мы можем называть предубеждениями, особенно когда они отрицательные, и направлены на другую группу. Предыдущие исследования показывают, что у финнов есть стереотипные представления о русских и России. (Salmela 2013, Tyni 2017.) Согласно Сало-Ли (Salo-Lee 1996, 18) предубеждения сложно менять. Всё-таки это важно, потому что стереотипы и предубеждения влияют на коммуникацию между индивидуумами и группами: неуверенность и напряженность между группами возникают из предубеждений и отрицательных ожиданий. (Salo-Lee, 1996, 18.)

По Лейенс, Изербыт, Шадрон (Leyens, J., Yzerbyt, V. & Schadron, G. 1994, 11) стереотипы – это средство облегчать социальную коммуникацию. Они не согласны с замечанием Сало-Ли, что негативный стереотип может стать предрассудком – стереотипы спонтанные, а предрассудки основываются на личном опыте. Они продолжают, что стереотипы не должны рассматриваться либо как правильные, либо неправильные, но как полезные или вредные. (Leyens, Yzerbyt ja Schadron 1994, 13.)

Согласно Сало-Ли (Salo-Lee 1996, 19), изменение представления возможно через коммуникации в благоприятных обстоятельствах между представителями разных культур. Сегодня в Финляндии в многих городах есть возможность для межкультур-

ной коммуникации между финнами и россиянами, означает, что благоприятные обстоятельства существуют. Информанты нашего исследования также сообщали, что у них были встречи с русскими.

3.1.2 Новый подход к стереотипам

Стереотип – когнитивная конструкция, в которую входит знание, верование и ожидания наблюдателя о какой-то группе (Hamilton & Trolier, 1986, p. 133 цит. по: Vincent Yzerbyt, et al., Taylor & Francis Group, 2003). Тод Нелсон (Nelson 2009, 2) выявляет некоторые проблемы с использованием стереотипов: они всегда являются обобщениями и никогда не способны изображать и характеризовать всех представителей одной группы, они обычно негативные, неточные и несправедливые. Он (2009, 2) продолжает, что даже если стереотипы являются позитивными, хотя они обычно являются негативными, это предполагает, что также негативные стереотипы существуют.

Нелсон (Nelson 2009, 9) замечает одно важное явление, которое связано со стереотипами: это классификация. Согласно Нелсону, нам легче классифицировать людей, которые являются незнакомыми или к которым мы относимся равнодушно. Этот термин открывается таким образом: когда классификация наша единственная информация о ком-то, или мы не хотим познакомиться с кем-то, тогда мы используем стереотипы (Brodts & Ross, 1998 цит. по: Nelson 2009, 10).

Фред Дервин (Derwin 2011, 186) представляет два типа стереотипов - автостереотип, связанный со своей группой, т.е. *мы* и гетеростереотип, связанный с другой группой, т.е. *другие*. По мнению Дервина (Derwin 2011, 187) стереотипы, как и культура хороший инструмент, чтобы отличать других от нас. Поэтому Дервин рекомендует не создавать список стереотипов или сознательно подменять их истиной, чтобы избавиться или отказаться от стереотипов, потому что, по его мнению, избавляться от них

невозможно подавлением. В нашем исследовании мы не стараемся представлять стереотипы или противоположный взгляд, а исследуем как их представляют в обсуждении, и как они связаны с формированием представления.

По Изербыт и др. (Yzerbyt V., et al. 2003, 32) эссенциалистский подход к группам людей может приводить к обобщению, и это тесно связано с стереотипами. Они (2003, 132) показывают групповую категорию Ликэл и др. (Lickel et al 2000). Согласно этой категории, русские как все национальные группы, входят в *социальную категорию*, т.е. большую группу, в которой мало взаимодействий и длинная история. Согласно исследователям, стереотипы обычно возникают именно применительно к таким группам, а не маленьким группам; к тем, которые более гомогенны. Это можно объяснить по вышеупомянутому наблюдению тем, что с помощью стереотипов чужие вещи и явления становятся более понятными.

3.2 Предрассудки, то есть предубеждения

По современному толковому словарю русского языка Кузнецова (2001) слово предрассудок означает: 1. укоренившийся, ложный лишённый разумных оснований взгляд на что-либо, например, расовые предрассудки. По ТСРЯ Ожегова и Шведовой (2010) слово предрассудок означает ставший привычным ложный, суеверный взгляд на что-нибудь. По ТСРЯ Ожегова и Шведовой слово предубеждение: предвзятое отрицательное мнение, отношение к кому-чему-нибудь. *Относиться к кому-чему-н. с предубеждением. Предубеждение против кого-нибудь.* По современному ТСРЯ Кузнецова слово предубеждение: Предвзятое, заранее сложившееся отрицательное мнение о ком-чём-либо.

Как уже заметно в примере слова *стереотип* из словаря Кузнецова, предрассудок соединяется со стереотипом. Как мы отметили, отрицательный и вредный стереотип кажется предрассудком. Определения и стереотипа, и предрассудка изменились со

временем вместе с областями науки. Современное определение предрассудка: отрицательная позиция против группы или члена группы. (Nelson 2009, 2.) В книге Нелсона авторы полагают, что стереотипы и предрассудки отражают наши отношения со своими группами и культурами, т.е. мы толерантные или предубеждённые, когда это социально приемлемо (Katz, Braly & Allport цит. по: Nelson, 2009, 4).

Согласно исследованию, С. Тыни «Стереотипы и отношение к Финляндии и её соседним странам Швеции, Эстонии и России: представления учеников четвертого класса о нас и других» (Tyni 2017) финские дети относятся к России и россиянам, более стереотипно и негативно, чем к другим соседним странам и родине, и своим гражданам. Представления этих информантов, с 9–10 лет, о России очень политизированные, и они связаны с войной, и к России относятся по-другому, как к Другому. Выводом исследования Тыни является, что эти стереотипные представления могут приводить к созданию предрассудков.

По мнению Либкинд (Liebkind 1988, 121), когда борются против предрассудков важно сообщать людям и о различиях, и сходствах, о подобиях между группами. На наш взгляд, особенно важно было бы не строить необоснованный контраст между группами, а концентрироваться на подобиях, не отрицая различия.

Откуда стереотипы и предрассудки возникают? По Нелсон (Nelson 2009, 8) очевидно, что мы получаем информацию от родителей, ровесников и СМИ. Откуда эти стереотипы и предрассудки возникают – они связаны с характером или факторами окружающей среды, и насколько большим является влияние родителей? Мы не можем обнаружить этого, но опишем процесс формирования представлений, и мы постараемся показать самые главные источники информации о России.

В своём исследовании Поттер и Уетерел (Potter, Wetherell 2007, 126) представляют изменяющийся характер предрассудков и позиции, и они рекомендуют пользоваться методом, который взаимодействует с этим гибким, противоречивым и непостоянным, переменным характером. Поэтому нашим методом является критическая дискурсив-

ная психология. Они описывают две проблемы: контекст и нестабильность. Мы заметили эту проблему – один информант может менять, например, свое мнение в одном выступлении. Данное нам надо принять во внимание в нашем анализе.

3.3 Эссенциальная и конструктивистская парадигма: отношение к стереотипам

Эссенциализм и социальный конструктивизм не являются самыми основными понятиями в нашем исследовании, но тем не менее нам важно определить, какова разница между этими парадигмами, и как они связаны с стереотипами и также с представлениями, и конечно с культурой.

Адриан Холлидей (Holliday 2011, 5) представляет разницу между эссенциальным и неэссенциальным подходами к культуре. Типичные черты эссенциального взгляда на культуру: культура – это физическое место, связано со страной и языком, различия между людьми разных культур. Типичные черты в неэссенциальном походе, к культуре: культуру считают комплексной, и это относится к любой группе: любого размера и типа. По данному подходу сложно определять характерные черты культуры: культура имеет изменяющийся и гибкий характер, несмотря на, национальные границы.

У термина эссенциализм длинная история, и считают, что философ Карл Поппер создал этот термин в 1930 г. Социальный конструктивизм считают критикой против эссенциализма. (Haslam, Rothschild, Ernst 2004, 49.) Исследователи (50, 2004) продолжают, что эта критика концентрируется на том, что наши классификации (по языку, истории и т.д.) от друг друга являются приукрашенными фактами и эссенциальными идеями, связанными с предрассудками и стигмой.

В своей статье “Концепты «культура» и «место» в эссенциалистской и конструктивистской парадигмах этнокультурных исследований” И.И. Тюрикова обсуждает

различия этих двух парадигм. По мнению Тюриковой (2013), согласно эссенциалистскому подходу, культура естественный и неизменный феномен, значит культура рассматривается как стабильная система, т.е. культура: неизменная, ценностно-нормативная стабильная система. Далее индивиды рассматриваются как представители определенной культуры – значит они рассматриваются как объекты. С точки зрения индивидуума это означает, что у представителей определенной культурной группы общие свойственные черты, и им присущи определенные роли, нормы, социальные практики и ценности.

Тюрикова отмечает проблемы, связанные с эссенциалистским подходом: во-первых, отсутствие объяснения культурной трансформации и взаимовлияния между разными культурами. Значит, культуру считают неизменной и стабильной, даже несмотря на тот факт, что мир стал и ещё станет более глобальным. Во-вторых, этот подход не выясняет различия, существующие внутри культурной группы. Значит, в этом подходе не принимают во внимание различия между представителями одной культурной групп как: возраст, гендер, религия, индивидуальность человека, т.е., все люди индивидуумы со всеми своими опытами. (Тюрикова 2013.)

Тюрикова определяет каким образом социально-конструктивистский подход отличается от культурного эссенциализма. В рамках социально-конструктивистского подхода культура – постоянный процесс, динамичный и изменчивый. В отличие от эссенциалистского подхода индивидов рассматривают как субъектов, участвующих в процессе формирования и изменения культурных норм, ролей, ценностей и практик и т.д. Иными словами, индивиды активные субъекты, которые создают свою культуру. Они не только пассивные представители или носители черт своей культурной группы. (Тюрикова, И. И. 2013.)

Дервин и Мачарт (Dervin, Machart 2015) обсуждают проблематичность термина культура. Авторы (2015, 6) не только изображают межкультурные встречи, а сосредоточиваются на том, как культуру используют как предлог или идеолог в межкультур-

ных коммуникациях. Они (2015, 3) объясняют, что обычно в межкультурных ситуациях мы не встретим иного, другого человека, а образ нашего представления о культуре этого человека. Этот образ формируется от разных дискурсов, представленных, например, в СМИ и в социальных сетях. Значит культура объясняет, как понимать, встречать, видеть, кем считать этих индивидов, а не опознавать кто они по-настоящему, индивидуальные и разнообразные по полам, социальным классам, религиям и возрастам и т.д. (Dervin, F., & Machart, R. 2015.)

По мнению Дервина (Dervin 2016, 81), у нас всех эссенциальные представления, и мы балансируем между простыми и сложными представлениями, мыслями и мнениями. Обычно это приводит к конфликту между своими представлениями. Этот конфликт можно называться идеологической дилеммой. Далее в следующей главе мы объясним этот термин.

4 МЕТОДОЛОГИЯ

4.1 Критическая дискурсивная психология

Выбирая наш метод анализа, мы принимали во внимание исторический, социальный и культурный контекст выбранной темы. Мы сделали такой вывод, что нам не следует только концентрироваться на коммуникации в обсуждении в фокус-группе. Нам надо принимать во внимание и данные темы, и как это может влиять на формирование представлений. Из-за этого наш метод анализа – критическая дискурсивная психология, далее КДП – такую аббревиатуру мы используем в нашем исследовании. Создатели этого метода: Дж. Поттер, М. Уэтерел и позже также Н. Эдли. КДП соединяется два подхода дискурсивного анализа: дискурсивный анализ Фуко (ФДА) и дискурсивная психология (ДП).

С. Уиггинс (Wiggins 45, 2017) рассказывает, что этот подход зародился из-за необходимости изучать исследуемую тему в историческом контексте (как в ФДА) и умножать эмпирическую аккуратность исследования (как в ДП). Таким образом КДП можно изображать комбинированием ДП и ФДА. По исследованию К. Будс, А. Локе, В. Бур (Budds, K., Locke A. & Burr, V. 2014), во-первых, этот подход позволяет комбинирование макро и микро уровни, т.е. более широкий контекст и изучение речи и

обсуждения как социальной деятельности. Во-вторых, они подчеркивают двойную роль дискурса: вместе с тем дискурс создает социальный мир и дискурс является объектом созидания через социальные практики. Другими словами, дискурс не только формирует социальные идентичности, но собеседники могут сами формировать эти идентичности в разных социальных обстановках (Budds, K., Locke, A., & Burr, V. 2014, 7).

4.1.1 КДП и другие методы дискурсивного анализа

Нас интересует, каким образом представления формируются, т.е. представления как социальные формирования, а не как стабильные системы в нашем сознании. По этому поводу мы решили провести анализ при помощи критической дискурсивной психологией.

С. Уиггинс (Wiggins 31, 2017) представляет разные формы дискурсивного анализа и сосредоточивается на пять главных формах и представляет их различия: анализ разговора (АР), критический дискурсивный анализ (КДА), дискурсивный анализ Фуко (ФДА), дискурсивная психология (ДП), и самым последним наш метод: критическая дискурсивная психология (КДП). Она упоминает, что эти подходы похожие и поэтому они легко смешиваются. С. Уиггинс (Wiggins 32, 2017) рассказывает, что у каждого подхода свой взгляд на исследования дискурсов, например, у КДП довольно широкая перспектива.

С. Уиггинс (Wiggins 32, 2017) представляет разницу между (ДП) и (КДП) следующим образом: главной целью ДП является опознавать и изучать, как психологические практики/средства используются и управляют в обсуждении – эти средства можно идентифицировать с помощью дискурсивных инструментов. В отличие от ДП в КДП перспектива более широкая. Главная цель КДП – опознавать культурно представляемые *репертуары интерпретаций*, которые формируют наше мышление о каком-либо

деле, явлении т.д. Эти репертуары интерпретаций определяют, какие *позиции субъектов* нам предлагают в сфере какой-либо темы.

Тем не менее, эти два подхода соединяются в нашем исследовании. В первых в самом начале исследования мы выделим *репертуары интерпретаций* как в КДП, и далее мы проанализируем эти репертуары более подробно с помощью дискурсивных инструментов ДП. (Wiggins 32, 2017.) А во-вторых, хотя мы концентрируемся на общей картине как в КДП, мы как в ДП также обратим внимание на выдержки из обсуждений, и на выступления, в которых используются разные *дискурсивные инструменты*. Однако, как характерно КДП, наш анализ сосредоточится на широко-социальном значении слов, не только на ситуации коммуникации/интеракции, т.е. обсуждения в фокус-группах. (Wiggins 47, 2017.)

4.1.2 Главные понятия КДП

Найджел Эдли (Edley 189, 2001) упоминает три главные понятия подхода КДП: *репертуары интерпретаций, идеологические дилеммы, позиции субъектов*. По М. Уэтерелл (Wetherell 414, 2007) критическая дискурсивная психология подходящий метод, чтобы исследовать как формируются разные версии о реальности, и как эти версии исполняют, используя эти выше упоминающие понятия. Она продолжает, что этот метод концентрируется на гибком и ситуативном характере дискурса. КДП изучает формирование психических состояний, т.е., психических процессов и идентичностей, также и внутренние и интерактивные процессы. В этом смысле, когда говорят об этих трёх понятиях, надо вспоминать их ситуативный и гибкий характер.

Репертуары интерпретаций

Репертуар интерпретации – это способ/приём речи, другими словами это значит как говорят о объектах и явлениях и т.д. Репертуары интерпретаций или интер-

претативные репертуары – основная часть разговора и Н. Эдли (Edley 2001, 198) называет их строительными элементами обсуждения. По К. Буддс, А. Локе, В. Бур (Budds, K., Locke A. & Burr, V. 2014, 47) репертуары интерпретаций похожи на дискурса – потому что они оба представляют разные возможные средства для создания и разговора о понятиях и объектах. Далее они представляют идею Дж. Поттера и М. Уэтерелл, о том, что всё-таки люди могут свободно выбрать разные репертуары интерпретаций в разных ситуациях интеракции. Из-за этого надо вспомнить ситуативность и дискурсов, и репертуаров интерпретации, т.е. в нашем исследовании: организованное обсуждение про Россию и русских в двух фокус-группах. В дополнение важно принимать во внимание, что, хотя репертуары можно выбрать и использовать добровольно и свободно, обычно мы выбираем и повторяем репертуары интерпретации, например, из СМИ и т.д. и вообще такие репертуары, которые больше всего на виду. (Budds, K., Locke A. & Burr, V. 2014.)

Ж. Рейнольдс и М. Уэтерелл описывают репертуары интерпретаций как аргументы, оценивания, изображения, которые возникают в речи в виде, в том числе, клише, анекдота и метафоры. Они формируются из материала, который всем известен, через эти репертуары можно общаться и взаимодействовать. На их взгляд, у репертуаров интерпретации такая крепкая социальная база, иными словами, у разных социальных групп разные репертуары интерпретаций, что картину мира, которую они показывают, легко опознавать. (Reynolds, & Wetherell 2003, 496.)

По С. Уиггинс репертуары интерпретаций гибкие дискурсивные практики, потому что их можно использовать, чтобы и поддерживать какую-то тему, и отказываться от какой-то темы. В дополнение противоположные репертуары можно использовать, чтобы поддерживать одну и ту же тему. Она согласна с тем, что, хотя мы можем свободно выбрать используемые репертуары интерпретаций, всё-таки какие-то репертуары являются более сильными и культурно доминирующими. Эти доминиру-

ющие репертуары развиваются со временем, и они могут стать настолько нормативными и стабильными, что они станут естественными, как факты, их будут считать понятными и вразумительными. (Wiggins 2017, 45.)

Позиция субъектов

Согласно Н. Эдли (Edley 2001, 210) позиция субъектов –позиция внутри дискуссии и идентичности, которые приобретают значимость через специфическую манеру речи. Их можно распознавать, наблюдая, *на кого* ссылаются с помощью определенного репертуара и что высказывания расскажут о говорящем. (Edley 2001, 210.)

Согласно К. Будс, А. Локе, В. Бур (Budds, Locke, & Burr 2014) репертуары интерпретаций, которые нам предлагают, могут влиять на наши позиции субъектов, т.е. местные идентичности, выбираемые роли. Используя известный репертуар, люди занимают определенную позицию. Это означает, что предлагаемые нам репертуары о России и русских могут влиять на позиции индивидуумов, т.е. о каких-то положениях индивидуумы представляют свои аргументы. Между тем предлагаемые репертуары интерпретаций влияют на позиции субъектов, потому что некоторые репертуары легче понимать, чем другие. Иначе говоря, существуют и утвердившиеся и альтернативные репертуары. (Budds, Locke, & Burr 2014, 7.)

М. Уэтерелл (Wetherell 2007, 404) делает ударение на ситуативном и местном характере позиций. Она отмечает в своем исследовании, что позиция, которую занимают, всегда является местной, локальной– следовательно, интерпретируя её, обязательно принимать во внимание и выступления других участников.

Идеологические дилеммы

По словам создателя понятия идеологическая дилемма: идеологические дилеммы – продукты известного периода и окружающего мира, но всё-таки они появляются универсально в каждом социальном контексте. (Billig et al 1988, 25.) М. Биллиг и др. (Billig et al 1988, 10) описывают дилеммами ситуации, в которых альтернативные

варианты производят и положительное и негативное впечатление, в этом смысле кажется, что правильный вариант отсутствует и это создает конфликтную ситуацию. Они добавляют, что люди всегда балансируют между разными репертуарами. (Billig et al 1988.)

М. Биллиг и др. (Billig et al 1988, 25) представляют, что дилеммы, которые связаны с ценностями и верованиями, можно назвать идеологическими дилеммами. Идеологии влияют на мышление людей и формируют его, потому что люди мыслят внутри идеологии. Идеологические дилеммы рождаются, когда разные идеологии вступают в противоречие. (Billig et al 1988, 27.) Понятие идеологическая дилемма связано с позициями субъектов – балансируя между идеологиями, мы пытаемся определить свою позицию. (Wetherell, M. Potter, J. 2007, 270.)

4.1.3 КДП в исследовании

С. Уиггинс (Wiggins 2017, 46) рассказывает, что с помощью КДП можно изучать, как какое-то дело или какую-то тему понимают в каком-то социальном и культурном контексте, и какие дискурсы существуют по делу, теме, и какие дискурсы предлагают. Согласно ей (2017, 46), одной из целей КДП является исследование о том, как некоторые репертуары становятся утвердившимися, потому что их считают понятными, доступными, разумными и состоятельными. По С. Уиггинс это делает подход критическим. Кроме того, в сфере этого подхода стараются опознавать существующие позиции субъектов. С помощью КДП провели исследования, например, о расизме и национальности. (Wiggins 2017, 46.)

Это соответствует нашей цели, потому что мы хотим изучить, какие представления, т.е. дискурсы, у молодых финнов, участвующих в обсуждении фокус-группы, есть о России и русских. Мы будем рассматривать их критически: какие репертуары

интерпретаций, идеологические дилеммы и позиции субъектов возникают, когда обсуждаются темы о русских и России. Далее мы рассмотрим, как это может формировать дискурсы, т.е. представления о России и русских.

С. Уиггинс (Wiggins 2017, 45) отмечает, что по КДП в понятии дискурса соединятся и ежедневная коммуникация и более широкий, политический и исторический контекст. В этом подходе внимание уделяется тому, как этот более широкий контекст может влиять на нашу манеры речи. В КДП это исследуется с помощью следующих понятий: *репертуары интерпретаций, идеологические дилеммы и позиции субъектов*.

Наши исследовательские вопросы следующие: 1. Какие мнения и представления у молодых финнов есть о России и русских? 2. Как эти представления формируются в обсуждении?

Теперь мы рассмотрим, первый вопрос: Какие мнения и представления у молодых финнов есть о России и русских? По нашему мнению, слово представление очень близко к одному из главных понятий КДП: *репертуар интерпретации*, иными словами *интерпретативный репертуар*. Как уже сказано, репертуар интерпретации повторяющийся способ, которым мы описываем какое-то явление, дело и т.д. В нашем анализе мы будем представлять эти репертуары о России и русских, иными словами покажем представления, возникающие в обсуждении фокус-группы.

Стоит обратить внимание на то, что как определяют представление. На наш взгляд это не внутренняя/скрытая структура в нашем сознании, которую приносят с собой в обсуждении фокус-группы. В отличие от этого взгляда мы считаем, что представления строятся во взаимодействии с другими людьми в обсуждении, другими словами, представления формируются в ситуациях коммуникации. Согласно нашим методам мы считаем, что представления не стабильные, а гибкие с изменяющим характером, и поэтому мы не стараемся показать эти представления как нечто истинное, а изучать, как они рождаются в обсуждении. Таким образом, можно сделать такой вывод, что возможно влиять на представления в ситуации коммуникации.

Перейдем ко второму вопросу: Как эти представления формируются в обсуждении. На этом этапе важны следующие понятия: *дискурсивные инструменты* ДП и остальные главные понятия КДП – *идеологические дилеммы и позиции субъектов*. С помощью дискурсивных инструментов мы можем опознавать, как разные репертуары представляются в обсуждении. Внимание к разным репертуарам интерпретации способствует поиску возможных идеологических дилемм между репертуарами и рассмотрению того, как их решают, совещаются и т.д. Позиции субъектов связаны с репертуарами интерпретации следующим образом: использование определенного репертуара располагает индивида в какой-то позиции, и эти позиции - как некие роли, местные, локальные идентичности. Какие позиции участники выбирают, какие позиции предлагают, или какие представлены?

4.1.4 Другие исследования в КДП

В этой главе мы представляем три исследования, в которых методом анализа являлся критическая дискурсивная психология, т.е. КДП.

Бурке и другие провели исследование по методу КДП «Вы больные, неправильные: Использование аргументаций и оправдание в антисемитских и исламофобских обсуждениях в Фейсбуке» (Burke, S., Diba, P., & Antonopoulos, G. A. 2020.) Они использовали КДП, чтобы критически изучать антисемитский и исламофобский дискурс на Фейсбук странице ЭДЛ (EDL English Defence League). По этому исследованию КДП может выявить функцию экстремистского дискурса в социальных сетях и возможные последствия ненавистнических высказываний в сети. В анализе исследователи нашли три главные риторические стратегии, использованные при выражении исламофобии и антисемитизма. Первая стратегия: конструирование болезни и одновременно конфликта между пользователями Фейсбука; вторая: создание позиции субъектов – мусульман - как новых нацистов; третья: девиктимизация евреев.

Заключением этого исследования является: дискурс социальных сетей может усиливать разделение надвое *мы - они*, и определение мусульман и евреев как “Другого”. По мнению авторов, это исследование является значительным, потому что через это можно идентифицировать, каким образом после террористических актов группы определяют “Других”, а не как одних из нас, и как в социальных сетях представители крайние правые партий изолируют этих «Других». (Burke, S., Diba, P., & Antonopoulos, G. A. 2020, 385.)

Исследование Дж. Рейнолдс и М. Уэтерелл «Дискурсивная атмосфера жизни без партнера: последствия для женщин, ведущих переговоры об идентичности холостячки» (Reynolds & Wetherell 2003) также проведено при помощи КДП. Они, как и мы, идентифицировали разные интерпретативные репертуары, и в дополнение исследователи нашли идеологические дилеммы и позиции субъектов. Они изучают идентичности, которые интервьюируемые женщины создают самим себе. Они нашли четыре главные репертуара интерпретации: одиночество как дефицит, одиночество как социальная изоляция, одиночество как независимость и выбор, и одиночество как самоактуализация и достижение. Два из них содержат в себе очерняющие категории и остальные категории идеализирующие. По мнению исследователей, эти репертуары являются поляризованными, и это может создать вызовы для незамужних женщин, строящих свои идентичности. (Reynolds, J. & Wetherell, M. 2003.)

В исследовании К. Буддс, А. Локе, В. Бур «Комбинирование видов дискурс анализа: подход критической дискурсивной психологией к изучению женщины, которая становится матерью в зрелом возрасте» (Budds, Locke & Burr 2014) исследователи сочетали разные методы анализа ФДА и ДП, результатом этого сочетания является КДП. Аналитическая часть этого исследования содержит в себе шесть этапов: дискурсивное создания женщин, которые становятся матерями в зрелом возрасте, идентификация репертуаров интерпретации, предлагаемые позиции субъектов, практика, дискурсивное выполнение. Они, как и мы использовали в анализе дискурсивные инструменты ДП. Мы также сочетали два разные методы анализа: ДП и КДП. Мы согласны

с исследователями этой работы: хотя комбинирование разных методов может создавать вызовы, это позволяет максимально использовать и изучать свой материал. (Budds, Locke & Burr 2014.)

По нашему мнению, общим свойством этих исследований, проведенных с помощью КДП, является то, что в них исследуют, как говорят о возможных изолируемых группах или социальных категориях, таких как религиозные группы, незамужние женщины, женщины, становящиеся матерями в зрелом возрасте. Далее, каким образом в речи создают эти группы или представителей этих групп, какие интерпретативные репертуары существуют, и как участники исследования позиционируют себя, т.е. какие позиции субъектов существуют и также существуют ли идеологические дилеммы, связанные с исследуемой темой.

4.1.5 Основные дискурсивные инструменты с точки зрения нашего исследования

Далее мы представим основные повторяющиеся дискурсивные инструменты в нашем исследовании согласно С. Уиггинс (Wiggins 2017): Дискурсивные инструменты (Discursive Devices) в книге Дискурсивная психология (Discursive Psychology). Мы не представляем все, а концентрируемся на самых важных, т.е. повторяющихся дискурсивных инструментах в нашем материале. Согласно Уиггинс (Wiggins 2017, 176) наши находки руководят нашим анализом, т.е. для анализа мы используем эти инструменты, которые появляются в нашем материале.

Формулировка крайнего типа (extreme case formulation, ECF) обозначает слова и выражения (существительные, прилагательные, наречия), которые семантически указывают на предельные значения, и они являются как будто слышимыми крайними, экстремальными. Такие слова не только описывают какое-то явление или дело, например, чтобы давать позитивные оценки, такие как *очень хорошо, отлично*, а они используются, чтобы поддерживать свой аргумент или т.н. объективные сообщения.

С помощью этого можно, например, характеризовать поведения кого-то как нормальное или патологическое, ненормальное поведение. С помощью ЕСФ можно строить идентичность и отношение к связанной теме. Как правило они не стремятся показывать описывающие вещи/дела как факты, а скорее с помощью их можно показать свою долю в аргументе. (Wiggins 2017, 128, 154).

С помощью инструмента **права на категорию** (category entitlement) создают и сохраняют идентичности в коммуникативных ситуациях. Такие категории, например, как эксперт, обычный человек, заслуживающий доверия человек, человек, живущий в определенной области и т.д. Внимание уделяют тому, какие следствия связаны с категориями: если человек является членом какой-либо группы, что следует из этого: знание, опыт, умение, ответственность и т.д. (Wiggins 2017, 172.)

Списки и контрасты (lists and contracts) очень эффективный риторический способ, и в сфере ежедневной и формальной, официальной речи. Обычно списки содержат в себе три части, пункта; и если третий пункт отсутствует, люди добавляют общий пункт, чтобы заполнить список. С помощью таких списков можно подчеркивать какое-то дело и умножать его правдивость. Списки с третьими пунктами также указывают на окончание выступления, потому что такой список является нормативным. Контраст - похожий риторический способ, потому что с его помощью подчеркивают какое-то дело, сравнивая его с другим делом. Например, со сравнением подчеркивают либо определенные черты, либо разницу между чертами. (Wiggins 2017, 157.)

Освобождение от ответственности (disclaimer) обычно короткая фраза в начале выступления, их задачей является ослабление позиции говорящего к какому-то вопросу. Они типичны в такой форме: *Я не расист/сексист/гомофоб но... Я ничего не имею против них (какой-то группы) но...* Часто они используются в ситуациях, в которых или идентичность, или членство в категории ставили под вопрос. Освобождение от ответственности можно использовать вместе с разными инструментами, такими как контраст, право на категорию и т.д. (Wiggins 2017, 163.)

Участие инокуляции (stake inoculation), т.е. дилемма участия касается вероятности сообщения; значит, если говорящий оказывается субъективным или предвзятым, с этим инструментом можно защищаться против таких обвинений. Это устройство является более деликатным, чем освобождение от ответственности, его не так легко опознавать потому что оно используется вместе с другими инструментами. (Wiggins 2017, 175.)

Нарративная структура (narrative structure) т.е. рассказ истории. С помощью нарративной структуры создают одинаковое/единообразное и хронологическое объяснение: место (где, когда), время (продолжительность), порядок/режим события (что случилось в начале и т.д.) Обычно нарративная структура содержит в себе и детальную и неясную информацию в определенных пунктах. Это всё поддерживает достоверность/правдоподобие нарративной структуры. (Wiggins 2017, 165.)

Косвенная речь, иначе действительный залог (reported speech aka active voicing) - части речи, которые указывают на источник речи. Обычно люди, описывающие ситуацию, представляют не только содержание, но также стиль чьей-то речи. Выражения как *он был как*, *он сказал* могут предшествовать косвенной речи. С помощью этого инструмента можно создавать живое сообщение: использованные слова и смена местоимения. Также с помощью этого инструмента можно создавать и сохранять свою идентичность и поддерживать достоверность сообщения. Потому что говорящий производит более реалистическое впечатление, без риска: говорящий только пересказывает ситуацию другим, а говорящий не ответственно о содержании речи. (Wiggins 2017, 166.)

Формулировка сценария (script formulation). Через этот инструмент можно представить либо дело, явление либо поведение нормальным и вероятным, очевидным, не чем-либо необычным. С помощью этого инструмента можно защищаться против альтернативных выступлений. Вообще с этим инструментом используются модальные глаголы, такие как *мочь*, множественное число, наречия: *всегда*, *обычно* или глаголы, которые подчеркивают регулярность и повторяемость. (Wiggins 2017, 169.)

Минимизация – слова, которые преуменьшают, можно использовать, когда хотят представить нечто как минимальное или незначительное. С помощью минимизации можно уменьшить значение дела, события, происшествия или поведения, и это появляется, когда люди описывают их. Слова как, *только, немного, чуть-чуть* и т.д. связаны с минимизацией, но надо принять во внимание другие значения этих слов. (Wiggins 2017, 155.)

Несходство/отличие действующего лица-субъекта означает описание кого-либо, чего-либо как активного субъекта: людей, у которых есть возможность действовать и принимать решения, или объекта: пассивный объект действия. Этот инструмент встречается, когда говорят в активной и в пассивной форме. С помощью этого инструмента можно распознавать, когда говорящий обсуждает свою ответственность за событие, происшествие или поведение. Редко в речи лицо является только активным или пассивным, значит, исследователи анализируют, как строится баланс между этими позициями, как управляют деятельностью. (Wiggins 2017, 169.)

Используя инструмент **использование местоимения** указывают на себя или других людей. Со сменой местоимений принимают на себя разные роли, такие, как рассказчик, репортёр. Мы редко говорим таким же образом, как сами с собой: слова выражают, чьи слова мы используем, и кто их произносит. Смену местоимений используют, чтобы вести в рассказ идентичности и вызывать к себе доверие как к говорящему. Когда правдивость рассказа ставят под вопрос можно использовать этот инструмент – говорящий позиционирует себя как достоверного свидетеля или только посредника для передачи фактов. (Wiggins 2017, 147.)

Категория эмоции – инструмент, с которым представляют прошедшие или нынешние эмоции: это не значит выражение или переживание эмоции, а говорящий только рассказывает о них. Обычно они связаны с риторическими средствами, с помощью которых создают контраст между разными категориями, например, эмоциональная против рациональной. Таким образом можно представить себя или кого-то

как эмоционального. Этот инструмент рассматривают с функциональной точки зрения: это значит, что можно изучать, как создают и сохраняют идентичности или достоверность. (Wiggins 2017, 171.)

Хеджирование (hedging) знакомое в академической мире и в ежедневной коммуникации. С помощью хеджирования сохраняют правдоподобие говорящего, избавиться от утверждения чего-то как верным и фактом. Утверждение могут отрицать и смягчать, когда возникают противоречия и конфликты. Паузы, колебание в речи и выступления, начинающиеся словом “ну”, указывают на хеджирование. Обычно это отмечает разногласие с предшествующим выступлением. Хеджирование возникает при обсуждении деликатных тем. (Wiggins 2017, 152.)

Дискурсивные инструменты часто используют вместе, и поэтому обычно при анализе и изучении любого раздела речи используют больше, чем одним инструментом. Дискурсивные инструменты являются аналитическими инструментами, с помощью которых можно изучать интеракцию. С этими инструментами исследуют социальную деятельность и психические вопросы. (Wiggins 2017, 176.)

5 МЕТОД И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

5.1 ФОКУС-ГРУППА КАК СТРАТЕГИЯ СБОРА МАТЕРИАЛА

Метод сбора нашего материала – фокус-группа. Пучта и Поттер (Puchta & Potter 2004, 25) отмечают следующее: речь – это деятельность, с которой возможно достигать чего-то. Анализируя наш материал, нам важно относиться к речи, как к функциональному поступку, не как к отражению реальности индивидуума. Пучта и Поттер (Puchta & Potter 2004, 25) продолжают: когда исследуют речь, надо вспомнить следующие три уровня: *что говорят, как говорят и в каком контексте говорят.*

В нашем анализе мы используем метод критической дискурсивной психологии и этот метод также концентрируется на этих трех уровнях. Таким образом наш метод сбора материала и метод анализа соответствуют друг к другу, и возможно, они поддерживают друг друга. Пучта и Поттер (Puchta & Potter 2002, 348) отмечают таким же образом, как и во многих книгах о фокус-группе: в фокус-группах концентрация на участниках и результаты получаются через взаимодействия.

Обсуждение в фокус-группе является подходящим методом, чтобы собирать материал от многих людей одновременно. Далее изучают, как и каким образом участники говорят и думают о какой-то теме и почему так. (Kitzinger 1995 цит. по: Österlind, Hansebo, Andersson, Ternestedt, Hellström, 2011.) Это соответствует нашим исследовательским вопросам, потому что мы пытаемся показать, как представления молодых финнов формируются в дискуссии; значит, выбор способа сбора материала является обоснованным.

В одной фокус-группе обычно 3-7 участников, или можно даже собрать от 7 до 12. Мы решили, что в нашем исследовании от трёх до четырёх участников для одной группы достаточно, потому что важно, чтобы все было слышно, и у всех была бы возможность участвовать. Если, например, в группе семь участников, значит уже гораздо меньше времени отведено каждому. Также в фокус-группе один или больше ведущих разговора. У нас это один человек, (далее – «модератор»), т.е. сам исследователь. Изначально метод фокус-группы был создан, чтобы провести исследование в сфере маркетинга. Сейчас этот метод используется в разных областях наук.

Однако, для наших целей данный метод никогда не использовали в Финляндии. Большинство из предыдущих исследований, касающихся представлений финнов о России и русских, выполнили сбор материала с помощью опросов, т.е. письменные анкеты, и через личных или групповых интервью. Нагле и Уильямс (Nagle, Williams 2013, 2) отмечают, что интервью с закрытыми вопросами могут ограничивать ответы информантов и это может уменьшать исследовательский материал. Мы не хотели повторять выводы предыдущих исследований, поэтому мы решили использовать разные методы сравнивая с предыдущими исследованиями, и все наши главные вопросы к участникам являются открытыми.

Мы стремимся найти новую информацию про эту тему. По мнению Нагле и Уильямс (Nagle, Williams 2013, 2) этот метод дает нам информацию о мыслях людей и более глубокое знание о исследованной теме. Мы заметили, что возможность предста-

вить дополнительные вопросы в живом контексте оказалась очень полезной для самого исследователя. Например, у нас не было такого вопроса: *Вы были в России?* Но в первой группе один участник отметил, что он никогда не был в России и из-за этого комментария мы задали этот вопрос другим, и когда мы проводили дискуссию второй группы, мы были готовы задавать этот же вопрос. Хотя мы не будем рассматривать этот вопрос подробнее, по нашему мнению, это всё-таки является важной информацией о наших информантах.

Пучта и Поттер (Puchta & Potter 2004, 118) упоминают, что из группового интервью мы получаем больше разных мнений. Это мы также заметили в обеих группах: у кого-то свое мнение, но, если кто-то в группе ставил под вопрос это мнение, возможно мнение изменялось или появлялись другие мнения. Прежде всего мы выбрали этот метод, потому что мы хотим получить более глубокую и широкую информацию, и мы считаем, что дополнительные вопросы и взаимодействие способствуют достижению этой цели.

Соответственно новыми исследованиям в сфере ДП, представления не постоянные истины, которые находятся в нашем сознании, а они гибкие и меняются в разных контекстах, обстановках с разными людьми. (Wiggins 2017.) Значит, нам надо вспомнить, что у нас также свой контекст, своя группа и председатель. Это не естественная обстановка и даже у модератора своя точка зрения. Значит подача исходной информации ведущим это исходный материал для обсуждения

5.2 ИНФОРМАНТЫ И ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА

ТАБЛИЦА 1 Информанты и описание материала.

Группа	Возраст	Пол	Статус
1	22	Мужчина	Студент (в вузе в Эстонии)
1	28	Мужчина	Студент (в вузе в Эстонии)
1	26	Женщина	Безработная
2	25	Женщина	Студент (в профессиональном училище)
2	21	Мужчина	Студент (в профессиональном училище)
2	21	Женщина	Студент (в профессиональном училище)
2	24	Женщина	Студент (в профессиональном училище)

В первой группе обсуждение организовали в 24.10.2019 в доме исследователя, т.е. модератора в спокойном помещении. Место являлось знакомым для всех участников, и все участники знают друг друга и также они знакомые с исследователем. Может из-за этого, атмосфера казалась очень свободной с самого начала. В группе три информанта и по возрасту им от 22 до 28 лет. Срок обсуждения фокус группы около 45 минут. Мы сидели за столом, чтобы все имели возможность видеть и слышать друг друга.

Во второй группе всего четыре участника и по возрасту им от 21 до 25 лет. Фокус-группу организовали в учебном заведении информантов в 7.11.2019. Все участники являлись незнакомыми для исследователя, но они знают друг друга. В общем, во второй группе также была довольно свободная атмосфера. Мы сидели в кругу, чтобы все было видно и слышно.

В обеих группах модератор провел дискуссию, т.е. модератор являлся руководителем дискуссии, но у участников была главная роль в обсуждении. У модератора было пять главных вопросов, которые были открытыми и возможные дополнительные, углублённые вопросы. Ко всему прочему, модератор ставила неподготовленные уточняющие вопросы. Общей интересной чертой обеих групп являлась: информанты продолжали обсуждение, хотя модератор уже упоминала, что все вопросы заданы и мы можем закончить наше обсуждение. Во второй группе они продолжали после вопроса модератора: *Вы ещё хотите что-то добавить?* В первой группе участники самостоятельно продолжали обсуждение.

Из всех семи участников только двое раньше были в России, один из них посетил Россию один раз на экскурсии и другой несколько раз. Всё-таки все участники хотели или по крайней мере могли бы ездить в Россию, чтобы путешествовать или даже учиться, или работать. Самыми главными источниками наших информантов являются: финские СМИ (новости, телевидение и т.д.), знакомые, семья и друзья. Другие: школа, армия.

Как мы уже отметили у нас всего пять вопросов как Нагле и Уильямс (Nagle, Williams 2013) порекомендуют. Наши вопросы в двух фокус-группах следующие:

1. Какие мысли вызывает, когда Вы думаете о России и русских?
2. С какими представлениями о России и русских Вы встретились и где? Как Вам кажутся эти представления?

3. Вы можете вспомнить какое-то личное событие, которое повлияло бы на Ваше представление о России и русских?

4. Если оказалось/появилась бы возможность, готовы ли Вы делать работу, связанную с Россией? Какую работу, почему, да и почему нет?

5. Откуда Вы получаете информацию о России и русских?

Оба обсуждения фокус-группы записывались. Перед обсуждениями модератор объяснила процесс участникам, т.е. запись и далее расшифровка материала. В дополнение к этому, информантам объяснили, что их представляют анонимно в материале, с помощью псевдонимов.

После обоих обсуждений фокус-групп мы расшифровали наш материал, используя конвенций конверсационного анализа (CA conventions). Но принимая во внимание цель нашего анализа, мы не расшифровали наш материал так подробно, а концентрировались на самых важных пунктах с точки зрения нашего исследования, т.е.: смех, паузы и т.д. В аналитической части нашей работы приводятся выдержки из материала и на финском, т.е. оригинальном языке, и на русском языке, иными словами переводы исследователя. В нашем материале примеры переведены с финского языка на русский не дословно, но в переводе мы стремились аккуратно передать смысл и содержание высказываний. Мы оставили знаки расшифровки только в тексте на финском языке. Знаки в примерах на финском языке даны на базе обозначений, принятых для расшифровки в конверсационном анализе (CA). Мы расшифровали материал согласно речи участников в фокус-группах, другими словами, наши выдержки даны в той же форме, как они звучали, т.е. разговорная речь. Наш процесс анализа содержал в себе и внимательное слушание и чтение материала. Мы будем открыть процесс анализа более подробно в следующей главе.

5.3 АНАЛИЗ

Представление анализа

Главной нашей целью является изучения представлений о России и русских. В нашей работе участники использовали известные репертуары, которые исследователи представили в предыдущих работах: например, отрицательный и односторонний образ России в финских СМИ, страх России, связанный с историей, информация и предрассудки от других источников, включая семью. (Tyni 2017, Nshom 2018, Lounasmeri 2011, Vanhalakka 2019). Это свидетельствует о том, что представления не только формируются в коммуникативной ситуации, а существуют разные известные репертуары, которые представляются и соединяются в обсуждении. Это является важной мыслью нашей методологии. (Edley & Wetherell 2001.)

Нам интересно узнать, какие представления выражают и как их используют в разговоре, также как на них реагируют: например, соглашаются или игнорируют. Кроме того, нам также интересно, что можно сделать с этой информацией - например, какой способ говорить поддерживает стереотипы и какая речь отказывается от них. Какие коммуникативные средства можно использовать, чтобы не поддерживать стереотипы, а задать им вопрос? Мы считаем, что информацию, предлагаемую в этом исследовании, можно использовать на пользу, в частности, в преподавании языка и культуры и т.д.

Мы представим в материале возникающие и повторяющиеся представления, т.е., репертуары интерпретации. Мы анализируем их с помощью примеров, иначе говоря, выдержек из расшифрованного материала. С помощью этих примеров мы концентрируемся на описании разных процессов, которых эти репертуары представляют,

другими словами, изучаем как эти представления формируются. Эти процессы раскрываются с помощью дискурсивных инструментов (discursive devices) ДП. В дополнение к репертуарам интерпретации, в нашем анализе также появились идеологические дилеммы и позиция субъектов, иными словами, главные понятия КДП. В следующем разделе мы рассмотрим более подробно разные этапы нашего анализа.

Этапы анализа

На первом этапе мы искали разные представления о России и русских из нашего материала. Мы изучали материал подробно, обращая внимание на то, что и как говорят о России и русских, иными словами, точкой опоры являлись представления о России и русских. Мы заметили, что представления, показанные участниками, можно разделить на две категории: эссенциальные и неэссенциальные представления о России и русских. На самом деле, представления, которые указывают на стереотипы – эссенциальные, и представления, которые отказываются от стереотипов – неэссенциальные. По эссенциальному подходу: русская культура формирует и определяет русских людей, и они имеют типичные черты характера этой культуры. Согласно неэссенциальному подходу: каждый человек личность, у которой многосторонняя идентичность, независимо от национальности. (Holliday, 2011, Тюрикова И. И. 2013.)

Во-вторых, мы выделили эссенциальные и неэссенциальные представления о русских и России. С одной стороны, мы нашли следующие эссенциальные представления о русских: *русские такие*, т.е. русский характер с особыми чертами, среди прочего: *гостеприимство, дружелюбие, заносчивость, грубость*. С другой стороны, мы нашли следующие неэссенциальные представления о русских: *русские как другие люди, всякие люди везде*.

Мы нашли следующие эссенциальные представления о России: *Россия как другая и экзотическая страна в сравнении с западными странами, например, с Финляндией и предубеждения о России являются правдивыми*. Мы нашли следующие неэссенциальные представления о России: *Россия такая же как другие страны, и она не является необычной*.

Финские СМИ представляет одностороннюю и вообще негативную информацию о России, поэтому всегда невозможно доверять финским СМИ. Россия как страна и русские люди не одно и то же.

Поскольку наши исследовательские вопросы содержат в себе два исследовательских объекта, Россию и русских, страну и народ, мы решили разделить аналитическую часть на две главные темы: представления о русских (эссенциальные и неэссенциальные) и представления о России (эссенциальные и неэссенциальные). Эти главные темы содержат в себе разные репертуары интерпретации, которые повторяются в нашем материале. В сфере дискурс анализа репертуары интерпретации можно опознавать следующим образом: они повторяются в материале. (Edley & Wetherell 2001, 199.)

Рассматривая разные представления в нашем материале, мы решили сконцентрироваться на таких представлениях, которые повторяются больше всего в материале, значит на репертуаре интерпретации. Заметная черта возникающих представлений – это контрастные, даже поляризованные репертуары, например, *русские такие – люди как люди везде*. Когда такие контрастные репертуары повторились с разными представлениями мы решили создавать пары репертуаров, которые формируют континуум, непрерывность. Мы показываем и анализируем эти разные представления, которые формируют континуумы.

Мы проводим анализ с помощью дискурсивных инструментов, и мы изучаем как эти репертуары формируются в обсуждении. Наш фокус – на деятельности, значит, мы не только покажем разные представления, т.е. репертуары. Кроме того, в анализе мы обратим внимание на ситуативность дискурса, поэтому рассматривая определенное выступление мы также исследуем, что говорят перед и после выступления. В этом контексте нам интересно как другие информанты реагируют, например, на другие и сильные мнения, т.е. репертуары интерпретации: О чём говорят, на что реагируют и каким образом: соглашаются или отказываются.

В дополнение к репертуарам интерпретаций мы рассматриваем также два остальные понятия КДП: *идеологические дилеммы и позиция субъектов*. Какие идеологические дилеммы существуют в материале, между какими репертуарами и как с ними поступают? Их решают или они остаются открытыми, нерешенными. Кроме этого мы анализируем позиции субъектов: какие позиции участники берут себе или дают другим, например, *эксперт, имеющий информацию, основанную на опыте, космополит, критический космополит, человек, относящийся критически к России*.

Повторяющие репертуары интерпретации

Мы нашли два континуума интерпретативных репертуаров. Первый континуум: *русские такие – русские как другие люди*. Второй континуум: *Россия страна, отличающаяся от других стран и предрассудки против России правильные – Россия такая же как другие страны и образ России является односторонним*. В нашем анализе мы концентрируемся на функциональном характере социальной коммуникации. Мы рассматриваем, каким образом эти репертуары интерпретации представлены в групповом обсуждении. Это мы сделаем с помощью дискурсивных инструментов. Анализируя интерпретативные репертуары, мы представим разные дискурсивные инструменты – как их используются, какие функции они имеют с разными репертуарами. Каким образом разные аргументы представляются, подтверждаются и т.д. Представляют ли какой-то репертуар с помощью определенных инструментов, и существует ли какая-то цель, чего хотят достигать?

В четвертой главе мы представили основные дискурсивные инструменты с точки зрения нашей работы. Эти дискурсивные инструменты используются, когда представляют вышеупомянутые репертуары о России и русских. Разумеется, в материале существуют и другие инструменты, но мы обратим внимание на такие инструменты, с которыми представляют повторяющие интерпретативные репертуары, касающиеся России и русских.

5.4 АНАЛИЗ

5.4.1 Первый континуум: *русский характер – люди как люди*

Первая тема концентрируется на представления о русских людях. Первым континуумом является, *русский характер, т.е., русские такие... – люди как люди*. Это континуум содержит в себе два репертуара интерпретации, через которых описывают русских. В обсуждении фокус-группы двигаются между разными концами континуума, т.е. между разными репертуарами.

Согласно первому репертуару, существует единообразный и постоянный русский характер. В обсуждениях участники описывали русских между прочим следующим прилагательным: *гостеприимный, дружественный, неприветливый, грубый, безрассудный, равнодушный, слишком националистический*. Описывая данный русский характер, они использовали и негативные и позитивные стереотипы. И те, и другие связаны с эссенциальным взглядом на человека. (Holliday 2011.)

Другой конец континуума, иными словами, другой репертуар представляет русских как других людей, как обычных людей. В этом репертуаре русские описывались таким образом: *люди как люди, довольно приятные, такие идиоты есть во всяких местах, всегда находится кого-то, с кем не ладишь, нужно посетить Россию и познакомиться с людьми там*. Этот второй интерпретативный репертуар отказывается от стереотипов, и в отличие, от постоянного представления о человеке первого репертуара, он представляет более гибкие представления о человеке. Другими словами, этот репертуар относится к неэссенциальному подходу. Эти разные концы континуума формируют

идеологическую дилемму, в которой были представлены баланс, обсуждение, борьба, а также смущение, растерянность и конфликт.

5.4.1.1 Первый конец континуума: *русские такие*

Характер русских людей описывали с позитивными и негативными оттенками. Обычно описание совершалось с помощью нарративов, в которых представлены, между прочим, очень гостеприимные и дружелюбные русские, пьяные русские, громкие русские, неприветливый и грубые русские. С другой стороны, часть из участников отмечает, что некоторые встречи не могут определить весь, целый народ, но возможно они умножают количество предрассудков. В некоторых нарративах, описывающих русских, отметили разницу между русскими и финнами. Таким образом создают социальные категории: такие группы как русские, и финны, или не русские, группа в которой говорящий и другие участники беседы состоят, финны. (Holliday 2011.) Вообще другую группу или других, т.е. «они-группу», описывают хуже, чем «я» и «мы-группу», также их характеризуют как необычных, экзотических, проблематичных, простых и т.д. С помощью контрастов также стремятся к сооружению понятности.

Описывая русских и их характер, сравнивали русских с финнами через позитивные и негативные стереотипы. Это связано с созданием сильного контраста между финнами и русскими, т.е. указыванием на *других* (othering) (Holliday 2011): мы такие, они такие, я и мы состоим в этой группе, а они состоят в другой группе. В этих сравнениях и в описаниях различий, финны часто представляли в лучшем, более благовидном свете, кроме некоторых случаев где русское гостеприимство описали лучшее, чем финское.

При разговоре о русских в материале часто используются местоимение *они*. По социальному конструктивизму взгляду таким образом создают распределение между разными социальными группами, т.е. разделение на *нас* и *их*, *мы-они*. (Wiggins 2017.)

Используя слово *они*, не описывают объективную реальность между разными народами или группами, а скорее создают это распределение. Таким способом можно сделать различие между двумя разными группами: в одной группе состоят и хотят состоять, а вторая группа другая, отличная от остальных, и в ней не хотят состоять. Они, состоящие в другой, иной группе – другие, странные, необычные, экзотические, ими руководит их культура, и они в меньшей мере являются людьми, чем мы. (Holliday, 2011.)

5.4.1.1.1 Русские такие – описание русского характера через негативные стереотипы

Когда описывали русских или русский характер с негативным оттенком, часто это было связано с личным опытом или рассказом. Например, встреча с неизвестным русским человеком, особенно когда представляли негативные стереотипы о русских. Эти опыты из России, Финляндии и Эстонии представляли, как сильные эмоциональные и личные опыты. Тогда обычно использовали такие дискурсивные инструменты как *права на категорию*. С другой стороны, в этом репертуаре существовали обобщения, без личного опыта, например, безрассудность русских, отсутствие обслуживания клиентов и знания языков, беспомощные русские, которые испытывают затруднения.

Представляя сильные негативные стереотипы о русских, часто использовали *освобождение от ответственности*: говорящий представляет возможную негативную интерпретацию, т.е. какой-то образ каким другие участники возможно интерпретируют его слова. Так, говорящий открыто соглашается с тем, что то, что он скажет, будет проблематичным и что это можно считать предубеждением. Таким образом говорящий отказывается, например, от стереотипов или обобщений и после этого он представляет такое стереотипное представление или выражение.

Эти фразы представлены перед главным сообщением, и ими пользуются, чтобы сделать свое высказывание о чем-то более мягким. После этого представляют какую-

то позицию или отношение. Практически после этого можно сказать что угодно. По большей части в освобождениях от ответственности указывают на себя: *Я не, у меня нет, я могу сказать и т.д.* Особенно когда участники описывали русских людей и их характер с негативными оттенками, они указывали на себя. Собеседники делали свои аргументы более мягкими, используя освобождения от ответственности и отказываясь от стереотипного мышления или от обобщения: *Я не хочу обращаться к стереотипам, я не имею в виду, что все такие, но... и т.д.* Такие освобождения от ответственности непосредственно возникали, когда описывали русских через личный опыт, но они не возникали, когда описывали Россию как страну.

В некоторых случаях русских описывали с освобождением от ответственности вместе с другим инструментом: *Нарративная структура и формулировка сценария. Формулировка сценария* – инструмент, представляющий русский характер как стабильный, постоянный, нормальный, одинаковый: русские всегда были такие и всегда будут такие. Ещё одно устройство, являющееся вместе с негативными стереотипами: *категория эмоции*, т.е. представление эмоционального состояния. Это устройство вместе с другими представленными инструментами видно на следующем примере.

(1)

P: Se on joo mut kyl se niiku just nyt ku oikeesti tiet- tuntee jotain venäläisiä ja tällee ni on se niiku käsitys sillee muuttunu \$huomattavasti (painottaen) positiivisemmaksi\$ niiku Venäjää kohtaan =

S: No yhen ihmisen taholta joo mut kyl se on sääli sanoo (äänen voimakkuus kasvaa) et kyl ku tuol ----- on asunu et jos jotain paskaa tapahtuu niin \$valitettavasti usein se on humalainen venäläinen [joka siellä riehuu\$ että en haluis vetää stereotypioita \$mut et yheksän kertaa kymmenestä niin voim sanoo et näin asia on\$

P: [Joo, kyl]

P: Se on kyl valitettavasti totta et kyl yleensä se on jos näkee et joku on jos joku on vähän huonommassa olotilassa tai jotain riehuu niin kyl se miltein aina on joku venäläinen tai ainaki siltä se tuntuu

П: Да, но теперь, когда я знаю некоторых русских, и так это представление как бы изменилось и стало заметно позитивнее к России.

С: Ну со стороны одного человека да, но это жаль сказать, что, когда там я ----- жил, и если что-то плохого случится, то, к сожалению, часто это пьяный русский, который там злится, я не хотел бы указывать на стереотипы, но девять раз из десяти, это так, я могу сказать.

П: Да это так

П: К сожалению, это правда, что, если ты видишь кого-то в немного плохом состоянии, или кто-то злится, это почти всегда кто-то русский или, по крайней мере, так это чувствуется.

В начале П представляет, каким образом представление о России изменилось в позитивную сторону благодаря русским знакомым, и это П усиливает смехом. После этого речь идёт о русских на более общем уровне, но на базе личных опытов.

С соглашается с П, но представляет другой репертуар, в котором пьяный русский вызывает проблемы. С представляет обобщенный и стереотипный образ о русских – этот образ основывается на личном опыте. Всё-таки после этого С отказывается от стереотипов, но тогда говорит, что такая деятельность является больше правилом, чем исключением. С указывает прямо на себя: *я не хотел бы, я могу сказать*.

В выступлении С в дополнение к освобождению от ответственности появляется указание на свою эмоцию, т.е. категория эмоций: *жаль, к сожалению*. В дискурсивном исследовании эти эмоциональные состояния не анализируют как возможные эмоции говорящего, вместо этого они анализируются в отношении действия во взаимодействии, то есть того, что говорящий хочет достичь, используя эти слова. По его словам, говорящий не хотел бы сказать, что скажет, но продолжает с обобщением и добавлением освобождения от ответственности. С помощью этих средств он делает свой главный аргумент приемлемым: почти всегда русский виновник, когда что-то плохого случается: *это так, я могу сказать*. Это очень сильное выражение, в котором личный опыт создает правду.

П соглашается и продолжает, используя слово *к сожалению*. При помощи этого выбора слов можно смягчать стереотипные и даже расистские выражения. С такими

выражениями эмоций, в этом случае с выражением сожаления, можно умножать достоверности своих слов, что русские только являются такими. Также П представляет так называемую правду, говоря: *К сожалению, это правда* - это выражение правды, также как у С, основывается на личном опыте о русских. Однако он заканчивает свое выражение словами: *или по крайней мере, так это чувствуется*. И С и П используют слова, которые связаны с формулировкой сценария: *часто, почти всегда*. С помощью этого инструмента, деятельность описывают как регулярную и повторяющуюся, как если бы это была деятельность по сценарию. Таким образом деятельность можно представлять нормальной и ожидаемой, а не исключительной, необычной или случайной. Здесь плохое поведение описывают как нормальное и постоянное, также как печальный факт. Ни у кого из участников нет возражения на это. Эти представления основываются на личных опытах П и С, какие встречи у них были с русскими там, где они жили.

В этой выдержке возникла идеологическая дилемма между двумя разными репертуарами: позитивное представление о России через личный опыт, т.е. через русского знакомого, и негативный стереотип о русских, который также на основе личного опыта, но с неизвестными русскими. Несмотря на то, что в начале П представил, как его представление о России стало более позитивным - и это является неэссенциальным представлением, эссенциальное представление о русских побеждает другие. Эту идеологическую дилемму решили следующим образом: П уговаривают отказаться от этого репертуара.

В следующем втором примере является также одно хорошее средство аргументации: *перечисление, т.е. список с третьими пунктами*. Этот инструмент был использован, когда участники рассказывали о своих представлениях о русских; особенно, когда представляли стереотипы о русских или о России. В этом описании русского характера присутствует сильное обобщение.

(2)

- SA: Mulle ainakin se että se on niinkun todella iso maa ja sinne mahtuu vaikka minkälaista pieniä semmosia kyliäkin ja ihan omia kulttuureja jossa on vaikka joku oma kielikin ni se on mun mielestä aika siistiä (naurua)
- U: Mulle tulee niiku mieleen se semmonen se niinkun se niiden semmonen luonne semmonen semmonen uhoaminen ja semmonen kova ehkä vähän SEMMONEN AJATTELE-MATTOMUUS väärin asioihin keskittyminen että semmonen niinku tavallaan ehkä vähän niiku vähä-älyisyys ja köyhyys ja
- A: Joo, jes =
- SA: Sit ne ihmiset on kyllä todella vieraanvarasia ja todella ystävällisiä ainakin ne mitä oon ite ite kohdannu (ääni nousee)
- CA: Для меня, по крайней мере, это как очень большая страна и там достаточно места для всего, каких-либо, таких маленьких деревень и их культуры, в которых какой-то свой язык, это, по-моему мнению, довольно круто (смех).
- У: Мне приходит на ум их такой характер, такое хвастовство и такая сильная, может быть, немного такая безрассудность и концентрация на неправильных вещах, что такая как будто в некотором смысле, может быть, немного словно придурковатость и бедность и
- A: Да, окей
- CA: Затем, те люди очень гостеприимные и очень дружелюбные, по крайней мере те, которых я сама встретила.

За выступлением следует СА следует риторически эффективный список У, который содержит в себе многие сильные негативные мнения о русских: *хвастовство, безрассудность, придурковатость, бедность*. Также выражение *концентрация на неправильных вещах*, заметное – говорящий представляет дело таким образом, что он сам знает какие вещи правильные и неправильные. Говорящий не обосновывает эти вещи и прилагательные, описывающие русский характер с негативным оттенком не открываются и объясняются, но слово *такое* часто повторяется. Повторение этого слово может быть знаком *хеджирования*. Часто хеджирование предшествует неприемлемому мнению о чем-то, в этом контексте о русских.

Для начала СА описала Россию как «крутое» место. Потом У представляет свое описание русского характера, и это сильно отличается от выступления СА. Возможно,

что поэтому выступление У содержит в себе много хеджирования, т.е. повторения слово *такое*. С такой речевой деятельностью можно акцентировать, т.е. делать ударение на деликатность темы; т.е., не сразу говорят о чем-то.

Второе выступление СА идет сразу после У и действует как противовес и уравновешивает выступление У: возможно кто-то должен сказать что-то позитивное? Это высказывание приближается к эссенциализму, потому что представляется, что русские по предположению дружелюбные и гостеприимные. В этом случае описание о русском гостеприимстве представили через использование слово *сама*, т.е. местоимение *я*, т.е., использовался инструмент *использование местоимения*. Это подвигает и поддерживает отношения говорящего и представляемого описания, и это делает высказывание более достоверным. Это отличается от предшествующего описания У, которое является обобщенным и в нем отсутствует личный опыт или, по крайней мере, там не указывают на личный опыт.

Сообщение СА как-то соотносится с выступлением У. Хотя у говорящего есть личный опыт, она два раза использует слово: *очень*. Это возможное следствие сильного выбора слов У. СА подчеркивает свои позитивные опыты с русскими. С помощью таких слов *формулировки крайнего типа* (выражающих и подчеркивающих максимальных качеств чего-то) можно умножать достоверность и поддерживать, сохранять идентичность, и усиливать и давать основание для аргумента. Это возможное продолжение первого выступления СА, в котором отправным пунктом является Россия, а не русские. Там СА также использует слово *очень*, описывая размер, величину России: *очень большая страна*.

5.4.1.1.2 Русские такие – описание русского характера через позитивные стереотипы

В отличие от негативных стереотипов, представленных о русских, почти все позитивные стереотипы являются слухами. Это слухи от знакомых и других людей и

также информация, полученная через индустрии развлечения. В позитивных стереотипах почти без исключения отметили *русское гостеприимство* и, кроме того, также отметили *русское дружелюбие*. У одного участника был личный опыт о русском дружелюбии и этот опыт был представлен при помощи сильного нарратива. Мы обратили внимание на то, что часто позитивные стереотипы возникли после негативного стереотипа, т.е. они следовали за негативными стереотипами. Возможно, таким образом хотели сбалансировать, прояснить ситуацию. Может быть, это функционирует как *ретроспективное освобождение от ответственности*, и с помощью этого можно продолжать дискуссию в хорошем настроении. Позитивный стереотип, следующий за негативным стереотипом, представлен тем же человеком, либо кем-то другим.

Во второй группе оба стереотипа чередовались с самого начала, как если бы участники этой группы работали по одному и тому же принципу, чтобы сохранять приемлемость обсуждения и не говорили слишком негативно. Здесь надо принимать во внимание то, что эта группа не являлась знакомой для исследователя, т.е. модератора. В первой группе позитивные стереотипы возникли только в конечной части дискуссии, и участники этой группы являлись знакомыми для модератора.

Когда в материале говорили о гостеприимства русских – это является позитивным стереотипом, который отметили чаще всего. Это сделали в страдательном залоге, т.е. субъект отсутствует, то есть, это инструмент *несходство/отличие действующего лица-субъекта*. Говорили, например, *я слышал, что русские гостеприимные, знакомый сказал, что русские...* Это поддерживает смысл о том, что гостеприимство является одним позитивным стереотипом, связанным с Россией и русскими. (Salmela, 2013.) Во многих таких случаях указывали на опыт и рассказы Вилле Хаапасало о России и русских. Хотя у говорящего нет личного опыта, он мог говорить о опытах Хаапасало очень реально, как если бы опыт Хаапасало был истинным и личным опытом самого говорящего. Из-за этого нельзя недооценивать влияние представлений, полученных через СМИ и развлечения, на индивидуума.

Почти во всех таких случаях гостеприимство русских подчеркнули при использовании слов и выражений *формулировки крайнего типа: очень, особенно*. Однако, только один участник имел личный опыт. С помощью таких крайних выражений представляют максимальные свойства объекта и через этих можно, между прочим, поддерживать свой аргумент и увеличивать/умножать надёжность/достоверность говорящего. Возможная причина использования таких слов в этом контексте, что понятие русского гостеприимства большей частью слух, значит говорящие используют такие слова, потому что они стремятся умножать достоверность и поддерживать своего сообщения.

(3)

A: Onks ne niinku jotenki herättänyt mielenkiintoa tai mitään erityisempiä tunteita ne Ville Haapasalon?

S: No ne on mielenkiintosisia tarinoita et siel on \$hyvät ja huonot puolensa\$ että tota oisko niitakin tarinoita kun hän oli teatterissa töissä ni välillä sait oottaa kolme kuukautta et tuli palkka ja yks päivä sä menit vaan toimistoon ja sulle annettiin \$[kirjekuori rahaa]\$ et ja tällaisia et mut on sielt kuullu hyvii juttui ku et venäläiset ihmiset periaattees et kansmeet esim. maalle on erittäin vieraanvaraisia ja ystävällisiä ihmisiä =

P: [(naurua)]

PR: = Joo sehän niistä kyl on kuullu kyl kans että [ystävällisesti ☺niinku ottaa (vastaan)☺

A: [Joo ootte nimenomaan kuullu vai onko ollu site joku semmoin oma?] =

S: = EI MULLA OO ITE henkilökohtaista kokemusta ollu siitä mut siis kuullu vaan et venäläiset on erittäin vieraanvaraisia ihmisiä

A: А это каким-то образом вызвало интерес или какие-нибудь особые чувства это (ТВ-шоу и т.д.) Вилле Хаапасало?

S: Ну они интересные рассказы, там хорошие и плохие стороны, существуют ли ведь такие рассказы, когда он работал в театре, и так ты можешь ждать три месяца, что получишь зарплату и один день приходишь в офис и тебе подали конверт с деньгами, и такие, но оттуда я слышал хорошие вещи как, русские люди в принципе особенно гостеприимные и дружелюбные люди, что также едешь, например, за городом там

P: (смеется)

PP: Да ведь это о них я слышала также, что дружелюбно, как будто, принимают

А: Да вы именно слышали, или был какой-то собственный опыт?

С: Нет, я сам об этом не имею личного/собственного опыта, но значит я только слышал, что русские особенно гостеприимные люди

В первом выступлении, следующим после вопроса модератора, говорящий С рассказывает с помощью нарративной структуры о случае в России, который произошел с кем-то другим (Вилле Хаапасало). Это интересно, потому что он представляет этот случай как реальный и почти личный опытом и, по крайней мере, как случай, произошедший с кем-то знакомым. Говорящий, например, использует выражение: *один день приходишь в офис и тебе подали*. Здесь интересно как С использует местоимение *ты*, и с помощью этого местоимения рассказ словно рассказывают снова. Это может подчёркивать связь, отношение говорящего и представляемого дела, словно говорящий является субъектом рассказа: *ты*. Использование и чередование разных местоимений указывает на роль, с которой мы рассказываем историю: субъект, аниматор, исполнитель главной роли.

В области науки социального действия исследовали, как люди создают односторонние отношения с характерами и персонами, представленными в СМИ, и такие отношения называются парасоциальными отношениями. (Horton & Wohl 1956.) В этом контексте Вилле Хаапасало получал роль так называемого знакомого человека или надежного друга, и он является связью между говорящим и Россией. Здесь говорящий поддерживает свой аргумент с помощью инструмента *права на категорию*, и всем известный «наш друг» Вилле Хаапасало испытал это всё. Такие наблюдения и сообщения о России, на основе опыта Хаапасало, указывают на отсутствие критической позиции к разным репрезентациям СМИ. Эта только одна репрезентация, но её представляют реалистичном описанием о России и русских.

В дополнение к вышеупомянутому сообщению С подражает нарративу, т.е. структуре рассказа: в начале Хаапасало долгое время ждёт зарплату, в один день приходит в офис и ему подают конверт с деньгами. Вообще с помощью этой структуры

нарратива подчеркивают те вещи, которые упоминают сперва. В этом случае внимание уделяется одной плохой стороне России: зарплату приходилось ждать три месяца. С нарративной структурой можно умножать достоверность и реальность сообщения.

Представляемый позитивный стереотип о русском гостеприимстве может быть последствием рассказа С и его возможного негативного впечатления о России и русских. Этот позитивный стереотип подчеркивают через использование формулировки крайнего типа: *особенно гостеприимные люди*. Это слово, *особенно*, повторяется ещё в последнем выступлении С, где он рассказывает подробнее о том, что эта информация основывается на слухе и у него нет личного опыта.

В первом выступлении такое выражение можно использовать, чтобы усиливать мнение о гостеприимстве русских, так как этому предшествует более негативное описание России и русских. Во втором выступлении с таким выражением можно получать теряющее правдоподобие. Потому говорящий отвечает на вопрос модератора, что у него нет личного опыта, но он слышал, что русские очень гостеприимные, не только гостеприимные, а *очень гостеприимные*. ПР согласна с С, и она также слышала о том, что русские гостеприимные, она только использует другой выбор слов и выражает этот же смысл страдательным залогом: *Да ведь это о них я слышала также* (на финском: *Joo sehän niistä on kuullu kyl kans*). Оба говорят о гостеприимстве русских в страдательном залоге и, кроме этого, С использует слова формулировки крайнего типа.

Другой пример из нашего материала о повторяющемся позитивном стереотипе, т.е. гостеприимстве русских: он отличается от других соответствующих репертуаров тем, что это не слух, а личный опыт. Хотя это является особым случаем, мы все же хотели представлять этот пример, потому что это один способ рассказа о русском гостеприимстве и в нашем материале это является самым повторяющимся позитивным стереотипом, касающимся русских.

(4)

A: Mm joo tota onks teillä ollu nyt tai ootteko ollu opintojen puolesta tai muuten tekemisissä sitten niinku venäläisten tai Venäjän kanssa tai onko sellasta?

U: No joskus yläasteella mä opiskelin hetken aikaa "venäjää" mut sitte parin viikon jälkeen "mä lopetin sen (0.5) se on ihan ei sillä oo mitään käyttöä"

A: Joo, mm et oo sen jälkeen

U: E- en

P: Joo mäki opiskelin joskus ammattikoulussa vai lukiossa venäjää hetken mutta se sit kanssa jäi ja

SA: Öö mä just kävin silloin siellä Venäjällä ni käytiin just opintomatalla ja se oli kyllä tosi mielenkiintosta ku oli järjestetty just eri paikkoihin niitä (0.1) tai et missä käytiin niiku tutustumassa ni siellä pääs kyllä sitten "hyvin näkemään" esimerkiks just päiväkodi-päiväkotiin päästiin tutustuun niin olihan se ihan erilaista ja sitten (.) siellä just >tosii hyvin näky se vieraanvaraisuus< et ne kaikki oli pukeutunu todella hienosti meitä varten ja:: niillä oli esityksiä \$meille\$ (naurahdus) mitä ne esitti ja sit saatiin sellaset jotkut lahjat mukaan niiltä ja ja ite ku miettii ku on ollu \$päiväkodissa töissä\$ ja sit on tullu ulkomailta jotain vieraita ni \$ei mitään\$ ei siihen oo niiku panostettu \$yhtään\$ ja ja sitten me (.) siellä sit käytiin semmosessa katulapsityössä "myöskin tutustumassa niin sekin oli kyllä mielenkiintoista"

A: Oliko tää missä päin Venäjää?

SA: Pietarissa

A: Да, у вас было, или вы были в отношениях с русскими или с Россией через учёбу, или чего-то, или есть какой-то опыт?

U: На высшей ступени я изучал русский язык кратковременно, но спустя две недели я перестал, это совсем не стоит того, у этого языка никакого использования.

A: Да, и после этого ты не

U: Н-ее

P: Да, я тоже когда-то училась в профессиональном училище или в гимназии, русский язык кратковременно, но потом это осталось и

SA: Я посетила Россию, мы посетили там экскурсии и это было очень интересно, так как экскурсии были организованы в разные места, и там, где мы побывали, я хорошо видела, например, детский сад, и мы смогли познакомиться, и это ведь было совершенно по-другому и тогда там очень хорошо видно это гостеприимство, что они все одевались очень прекрасно для нас и у них были представления для нас и тогда мы получили какие-то подарки от них, и когда я сама думаю, я работала в детском саду, и когда туда приехали к нам какие-то гости из заграницы, то ничего там совсем не инвестировали, затем мы там познакомилась с социальной работой с беспризорными детьми, и это тоже было очень интересно

А: Где в России это было?

СА: В Санкт-Петербурге

Выступлению СА предшествует представление кратковременных опытов с изучением русского языка У и ПА. СА является самым субъектом и рассказывает свою историю по нарративу. В её выступлении слово *очень* (формулировка крайнего типа) повторяется три раза. СА усиливает своей позитивный опыт также словом: *хорошо* (формулировка крайнего типа): *я хорошо видела*. Значит не только видеть, а хорошо видеть. В выражении *совершенно по-другому* также существует слово крайнего типа: *совершенно*, которое имеет такое же значение как слова «совсем», «вполне» и может обозначать это же как слово «очень», которое раньше отметили. В этом примере представляют разницу между Финляндией и Россией, но в этом контексте Россия представлена в более позитивном свете, чем Финляндия, и это интересно.

Создаваемый контраст показывает русское гостеприимство идеалом и как бы лучшей версией, чем финское гостеприимство. Здесь также используют разделение на: *они-мы*. Это разделение конструирует разницу между этими двумя народами. Здесь виден активный субъект: *я посетила, я сама думаю* и также право на категорию, т.е. опыт эксперта о работе в детском саду. Говорящий указывает о знании, насколько гостеприимными являются люди, и в России, и в Финляндии. С этими словами: *ничего, совсем не инвестировали*, ещё больше минимизируют отсутствие гостеприимства в предмете сравнения, т.е. в финском детском саду и это СА усиливает смехом.

5.4.1.2 Второй конец континуума: *люди как люди*

Репертуар «русские такие же, как люди везде» возник, когда участники рассказали о поездках знакомых в Россию или вообще о том, что финны много ездят туда. Большинству участников было бы приятно ехать туда и познакомиться с людьми там, и может быть, после этого было бы легче создать свое мнение о русских. Когда речь

шла о возможных путешествиях участников в Россию, возникла идея о том, что по некоторым участникам люди как люди везде и представление о самих финнах не очень хорошее, т.е. финны не очень хорошо ведут себя за границей. В этом репертуаре участники попытались/стремились приближать русских и финнов, формировать единство вместо контраста.

С этим репертуаром также возникло разделение российского государства и народа. На самом деле это создает большую идеологическую дилемму на фоне: как различать Россию и русских, политику страны и граждан страны. Вместе с этим репертуаром также существовало выражение жалости, на форме слов: *Это жаль* и т.д. Участники представили жалость к гражданам России, потому что, согласно участникам, в России не заботятся о людях, как например в Финляндии. Это является знаком указывание на «других». (Holliday 2011.) По нашему мнению, интересным аспектом этого репертуара является то, что этот репертуар повторился только в выступлениях тех, кто никогда не посещали Россию, но хотели бы посетить. Всё-таки они имеют либо русского друга, либо знакомого, но несмотря на это, личные рассказы не возникли здесь как в предшествующем репертуаре.

(5)

- A: Joo, hyvä tota mm mä viel kysyisin lisää niistä kun mainitsitte niit semmosia öö kohtaamisia venäläisten kanssa vaikka siellä ----- tai mitä siellä tuli ilmi jostain et mitä oli tapahtunut jotain ni siihen liittyy venäläinen tai että sulla oli siellä tota opettaja siel koulussa ni onks ne tapahtumat tai kohtaamiset tai muut mitenkään tota todistanu näitä jotain näkemyksiä oikeiks tai vääriks venäläisistä tai Venäjästä?
- S: No en mä nyt voi sanoo että känn- kymmenen tai siis \$muutama kohtaaminen humalais-ten venäläisten kanssa määrittää koko kansakuntaa\$ [(naurua)] omat se vaan vaikuttaa kohtaamisiin et tulee sellainen pieni ennakkoluulo mut kyl se ois ihan sama (äänen voimakkuus kasvaa) et kyl on niitä \$idiootteja\$ joka paikassa et sen on vaan huomannu et valitettavast nyt tuntuu ne on kaikki ollu venäläisiä on ollu \$huono tuuri\$ (vai)
- P: [(naurua)]
- PR: [(naurua)]
- P: Nykyään just se ku ei se sillee ----- on kuitenkin aika pitkälti saman tyyppistä ku Suomi ettei niiku nyt ihan niinku hirveen herkästi mennä vaan juttelemaan sat-satunnai-

sille ihmisille ellei just nimenomaan ole humalassa tai jotain ni sitte yleensä ne kohtaamiset on just näitä että joku humalainen venäläinen tai virolainen ja tällee ni tulee ni kylhän ne sillee niiku näihin asioihin liittyy ja stereotypioita tietenkin vahvistaa mutta sit taas kun miettii minkälaista kuvaa nyt välttämättä suomalaisetkaa heittää tuolla maailmalla [matkatessaan (naurua) ni ei varmaan hirveen erilaista\$ =

PR: [Mmm]

PR: = Toisaalt jollain tavall mä luulen et meillä ja venäläisillä on ehkä jotain niiku samaa tossa toisten ihmisten [ennakkokäsityksistä tai sillee mut tota =

P: [Varmasti]

PR: = Nii kyl joo ei se mun opettajakaan oo Venäjällä käynyt sit sen jälkeen kun sen sukulaiset on niiku kuollu ei sil oo ikävä sinne (1.0) yhtä ja sillee ja sitten kyl sitten niinku just ne meidän lasten lasten (haukotellen) vanhemmat on tullu tänne just työn perässä ja niinku sillee että kylhän että eihän siellä sillee varmaa niiku työttömyystilastot on aika huonoja ja siitähän sit se niiku kurjuus ja epätoivo ehkä sitte jollain tavalla >näky<

S: Nii en mä vaikee sanoo itekää suhteest Venäjään en mä oo ite käynyt [ikiin Venäjällä] tai siis muutenkaan laajemmin tutustunut ihan kourallisen tunnen \$venäläisiä ihmisiä\$ suurin osa niist on ihan [mukavia ihmisiä\$ et ei mitään suurin osa on on ihan kaikista kansalaisuuksista löytyy [mulkut \$aina mulkkuja\$] ei sitku siit ei pääse kyl et meit on niin paljon täällä et kyl aina löytyy jonku jonka kaa \$ei klikkaa\$ mutta tota vaikee sanoo >pitäis käydä ehkä Venäjällä< reissaamassa vähän enemmän ni sit osais sanoo paremmin mielipiteensä venäläisistä venäläisistä ihmisistä mutta sit taas Venäjän hallitus ja Venäjämäana on ainaki täl hetkel mitä lukee uutisia ja kattoo maailman tilannetta nii ei oo hirveesti positiivista sanottavaa =

A: [Mm]

P: [Mmm]

PR: [Mmm]

A: Я ещё спросила бы больше об этих встречах, когда вы упомянули такие встречи с русскими, например, там ----- или что там появилось о том, что, если что-то случилось, это было связано с русским человеком, или у тебя был преподаватель там в школе и эти случаи или встречи или другие каким-то образом доказали ли, что какие-то представления о русских и России были правильными или неправильными?

C: Ну, я не могу сказать, что некоторые встречи с пьяными русскими определяют весь народ, это только влияет на встречи, так что возникает маленькое предубеждение, но это было бы то же, что такие идиоты есть во всяких местах, что я только заметил, что, к сожалению, сейчас кажется, они все были русские, было ли это невезение или

П: (смеется)

ПП: (смеется)

П: Теперь именно это ----- всё-таки похоже в Финляндии, что там так просто не приходят к случайным людям, чтобы побеседовать, если не пьяный, или что-то, и обычно эти встречи такие, где кто-то пьяный русский или эстонец приходит к мне

и это связано с этими вещами и, конечно, усиливает стереотипы, но когда ты думаешь, какой образ дают финны о самих себе там, путешествуя за границей, так наверно не очень отличающийся.

ПР: (Ммм)

ПР: С другой стороны, каким-то образом, я думаю, что у нас и у русских что-то похожее/похожесть в том, что предварительные представления других людей или так, но

П: Точно

ПР: Да, и мой преподаватель не посещал Россию после смертей его родственников, он не скучает по ней вовсе, и так затем родители наших детей (ученики) приехали сюда из-за работы и так, что там наверно степень безработицы плохая и каким-то образом видно беда/бедственное положение и безнадёжность

С: Да я не, это трудно самому сказать об отношениях с Россией, я никогда не посещал Россию, я только знаю некоторых русских людей и большинство из них довольно приятные люди, что ничего, во всех народах можно найти мудаков, всегда есть мудаки, это нельзя отрицать нам так много здесь всегда находится кого-то, с кем не ладишь, но трудно сказать, может быть нужно посетить Россию, путешествовать там чуть больше, и тогда я умел бы лучше сказать свое мнение о русских людях, но правительство России и Россия как страна, во всяком случае, в настоящий момент, когда я читаю новости и смотрю ситуацию в мире, так я не могу сказать так много позитивного

А: (Ммм)

П: (Ммм)

Р: (Ммм)

В этом примере появляется противоречивое отношение к русским и России. К русским в том смысле, что свои личные опыты отражаются на целом народе. Противоречивость по отношению к России представлена в желании путешествовать туда, но отношение негативное к правительству и политике России.

Выражения, описывающие репертуар, «русские как другие люди» в этом примере следующие: *такие идиоты есть во всяких местах / какой образ дают финны о самих себе там путешествуя за границей, так наверно не очень отличающийся / у нас и у русских что-то похожее/похожесть в том, что предварительные представления других людей или так, но / я только знаю некоторых русских людей и большинство из них довольно приятные*

люди, что ничего, во всех народах можно найти мудаков, всегда есть мудаки, это нельзя отрицать нам так много здесь всегда находится кого-то, с кем не ладишь.

Здесь русские и финны заметно сближаются, вместо представления различий. Всё-таки находится баланс между негативными стереотипами и неэссенциальным мышлением. В этом примере не подчеркнули или преувеличили позитивные черты как в предыдущей части, в которой обсудили позитивные стереотипы, здесь использовали, например, такое выражение: *довольно приятные люди*. В сообщении С представлен инструмент, *участие инокуляции*. С помощью этого инструмента формируют такую речь, с которой поддерживают будущий аргумент. Иначе аргумент могли бы ставить под вопрос, например, в этом случае личный опыт и субъективное, предвзятое мнение. С отрицает, что не может сказать, что личный опыт о русских определяет представление о всем народе, но он порождает маленькое предубеждение.

Надо обратить внимание на слово *маленькое*, которое минимизирует следующее слово *предубеждение*. Таким образом можно уменьшать значение чего-либо. В этом контексте предубеждение против русских, созданное личным опытом. С продолжает и использует слово категории эмоций: *к сожалению*, чувствует, что все встреченные «идиоты» были русские. С заканчивает свое выступление смехом и говорит, что возможно дело было в невезении: на наш взгляд смех говорящего указывает на эти слова: *что, к сожалению, сейчас кажется, они все были русские*. Это довольно противоречивое сообщение, в котором снова представляют такие же негативные опыты о русских, но на этот раз они ставили под вопрос.

В первом выступлении П начинает со своих опытов, которые могут усиливать стереотипы о русских. Однако П изменяет позицию, представляя мысль о том, что о финнах можно составить такой же образ, как и о русских в мире. П кончает свое выступление этим комментарием. ПР продолжает, показывая категории групп: *мы и русские*, но потом она продолжает с наблюдением о том, что у этих групп есть нечто похожее: *у нас и у русских что-то похожее/похожесть*.

С продолжает и кончает этот разговор повторяя, что ему «трудно сказать», потому что он не был в России, и надо бы поехать туда, чтобы можно было составить свое мнение о русских. В конце он представляет разницу между народом и правительством. В этом выступлении повторяется слово *довольно*. На этот раз это слово указывает на свойства определяемого слова, по-разному, в разных положениях. *Я знаю только некоторых русских людей*: здесь это указывает на слово некоторые и минимизирует это слово. *Большинство из них довольно приятные люди*: в этом контексте указывают на слово *довольно*, которое, например, используется в таких выражениях: *было довольно приятно, довольно хорошая машина, довольно интересно*. Вполне *во всех (ihan kaikista) народах можно найти мудаков*: здесь возможные синонимы *совсем, совершенно (ihan)* и это усиливает словосочетание «все народы».

Также слово *всегда*, которое относится к формулировке сценария, повторяется и на этот раз с такой точки зрения, что это нормально и ожидаемо встречаться с неприятными людьми разных национальностей, потому что они есть везде, т.е. люди как люди везде: *во всех народах можно найти мудаков, всегда есть мудаки, это нельзя отрицать нам так много здесь всегда находится кого-то, с кем не ладишь*. Интересно в этом предложении, что сейчас С говорит о нас: *нам так много* и не разделяет на *мы-они*.

5.4.2 Второй континуум: Россия другая, и предубеждения против России правильные – Россия как другие страны и образ России является односторонним

Вторая главная тема, как и первая, содержит в себе континуум и в материале информанты перемещаются между концами, т.е. разными репертуарами, этого континуума. Этот континуум содержит в себе разные репертуары интерпретации, такие как: Россия другая в сравнении с Финляндией или западными странами и предубеж-

дения против России правильные. Согласно этому взгляду, Россия является необычной и проблематичной страной и предубеждения, связанные с Россией правдивые. С другой стороны, Россия, наверно, хорошее место, потому что туда ездят из Финляндии и участники могли сами туда ехать или нет, как в другие страны мира. В соответствии с этим репертуаром образ России является односторонним, так как между прочим в финских СМИ и новостях Россия представлена негативно, т.е. новости о России концентрируются на негативных сторонах.

Эта тема похожа на первую, в которой описали русских людей каким-то образом, например, что русские отличаются от финнов, или на в другом конце этой темы сказали, что русские люди такие же, как другие люди, как мы. В этой теме объектом описания является Россия, а не русские и предметом сравнения часто является Финляндия или западные страны.

5.4.2.1 Первый конец континуума: *Россия другая и предубеждения против России правильные*

В репертуаре Россия отличается от других стран, Россию описали как необычную и экзотическую в сравнении с Финляндией и другими западными или европейскими странами. Этот репертуар относится к эссенциализму и соединяется с первой темой в том, что различие русских людей объяснили различием культуры и политики страны.

Мы нашли следующие интерпретативные репертуары, связаны с этой темой, по информантам: Россия такая большая страна, что там много всего, включая разные культуры и языки, в России такие проблемы, отсутствующие в Финляндии или в других европейских странах, но также есть похожие вещи, например, естественное лечение. Русский язык сложный и странный, в Россию трудно путешествовать и там

опасно, и люди чувствуют себя незащищенно, в сравнении с разными странами. В России другая культура вождения, это видно, и в Финляндии, и в России. В России бедность, и есть очень богатые люди и много бедных людей.

Россию сравнили с западными странами и Финляндией. Согласно участникам, во многих других местах легче и безопаснее, чем в России. Оттуда, из России, ездят сюда, чтобы найти работу: согласно некоторым участникам, это является свидетельством плохого состояния страны. Согласно некоторым участникам, там не уважают закон и не следуют закону, и проблемы являются следствиями русского менталитета. Говоря о русских проблемах, т.е. проблемах в России, их представили, как собственные проблемы этой страны, не касающиеся других стран, и часто предметами сравнения являлись западные страны: Европейские страны, включая Финляндию. Делалось ясное разделение между Россией и разными странами. В других странах: хороший жизненный уровень, без коррупции и проблем, например, все хорошо с зарплатами и т.д. Некоторые представили сравнение с Северной Кореей и Ближним Востоком; согласно некоторым участникам ситуация в России лучше, чем в этих местах. Здесь использовали *списки*, т.е. риторически эффективные списки с тремя пунктами и контрасты. С помощью *сравнения* (контрасты) и *перечисления* (списки) можно создать понятность и умножить достоверность своих аргументов.

5.4.2.1.1 *Россия отличающаяся и экзотическая*

Сравнивая Россию с другими странами или описывая отличия России, использовали много местоимения *мы и они* и процесс категоризации «Другого» (иного, чужого) был сильно заметен. Также было видно использование *права на категорию*, т.е. упоминание разных лиц вместе с своей аргументацией. Среди других упоминались следующие лица: члены семьи, знакомые, сами говорящие как, эксперты, имеющие опыт. С помощью этих упоминаний можно умножать достоверность аргументов говорящего и подтверждать аргументы, в частности, показывая мнения или опыты других,

знакомых или близких людей, или упоминая на свои личные опыты. Возможно использовать мнения так называемых экспертов или представлять себя как эксперта, человека, имеющего личный опыт, например, о пребывании в России. В многих случаях также использовали слова *формулировки крайнего типа*, как: очень отличающийся, совсем другой, *особенно*.

Согласно многим информантам, русский менталитет, характер и проблемы страны, среди прочего, война, внешнеполитические проблемы объясняются также другой культурой; такая культура вызывает такие проблемы. У русских и в России другая культура, по сравнению с Финляндией: говорили о культуре обмана в контексте спорта, о коррупции и обмане в рабочей жизни. Один участник объяснил характер людей, т.е. по мнению этого информанта (грубость и холодность), другой культурой и другим стилем жизни: всё очень отличается, в сравнении с Финляндией; культура в работе, учёбе и вождении странные, неожиданные и различные. Обобщение было также представлено. В следующем примере информанты объясняют, что они слышали о России и русских, то есть, предрассудки появляются в этом примере.

(6)

A: Millaisiin näkemyksiin niinku muilta ihmisiltä tai mitä te ootte kuullu Venäjästä tai venäläisistä? Ja missä ootte törmänny, millaisia asioita ootte kuullu tai lukenut tai?

U: No varmaan niiku justinsa niihin ihmisoikeusasioihin liittyen ja yleensä ne on niinkun aika SELLAISTA NEGATIIVISTA se uutinen mitä sieltä saa et harvoin mitään positiivista sieltä saa lukee että siel on yleensä kyl kaikenlaista ongelmaa enemmän ku mitään semmosta hyvää

PA: Niin (.) mullakin varmaan enimmäkseen kaikki on tommosta negatiivista että mulla on ite ollu ex-miehen sukulaiset >venäläisiä< ja asunu Venäjällä ja muuta ja oon käynny siellä kyllä monta kertaa mut edelleen vaikka ne \$sukulaiset\$ on ollut siinä ni mä silti koen ettei ne oo ollu niin vieraanvarasia ja semmosia jotenkin niiku lämpimiä ihmisiä että tota en tiiä >jotenkin vaikuttaa< että niillä on niin niinku eri kulttuuri ja elämäntyyli et kaikki tilanteet jotenkin niinku työpaikat ja kaikki on jotenkin tosi erilaisia (0.5) ja työpaikoistakin siellä ainakin mitä mä tiedän ni on just sillee et voi olla että palkat ei tuukkaan ja joutuu tekee ylitöitä ettei oo sellasta niiku Suomessa ihan selvästi ja et kaikki on niiku paperilla ja oikeesti sit niiku pysyy semmosina että tota

- SA: Joo aika paljon negatiivista ja sitten (0.5) just sitä että ei se oo ihan kovin (01.) hyvä maa asua ihmisille just ku ei oo oikeen niitä ihmisoikeuksia niillä
- L: Just niitä että köyhyys on siellä aika paljon esillä ja sitte just ja sitä negatiivista et niitten käytöksessä ja just silleen sorretaan niiku muita
- PA: >Ja mä oon ainaki huomannu ite ku mä oon siellä ollu< tai niinku asunu Imatralla ni Venäjällä on tosi niinku eriarvoistettua että selvästi niiku tosi köyhii ja sit oikeesti [ökyrikkaita] että se jotenkin jännä se (\$tuloero\$) näkyy aika hyvin katukuvassa >ainakin mun mielest<
- SA: ([Yhym])
- A: Какие взгляды о русских людях и о России вы слышали или читали от и где?
- У: Ну, наверно что-то связано с правами человека и обычно вроде это довольно-таки негативные эти новости, которые откуда получаешь, редко что-то позитивное от туда можно прочесть, там обычно больше всяких проблем, чем чего-то хорошего
- ПА: Так у меня тоже по большей части всё такое негативное. родственники бывшего мужчины русские и они жили в России и так далее. и я побывала там много раз. но дальше. хотя эти родственники были там. но всё же я чувствую, что они не были так гостеприимны, и такие каким-то образом вроде теплые люди, что, я не знаю, кажется у них вроде совсем другая культура и другой стиль жизни, что все ситуации каким-то образом, вроде места работы и все какие-то очень разные, и о местах работы там, по крайней мере что я знаю, так может быть, что зарплаты не платят и приходится сделать сверхурочную работу, что очевидно не так же, как в Финляндии, и что всё вроде написано на бумаге и по правильному будут так что
- СА: Да довольно много негативного и, потом, это не очень хорошая страна к человеку, чтобы жить, потому что у них в самом деле нет прав человека
- Л: Именно то, что бедность, там довольно много представлено и так, и это негативное в их поведении, и именно вроде там угнетают других
- ПА: И я, по крайней мере, сама заметила, когда я была там, или жила в ----, что в России очень много неравенства, есть действительно бедных и люто богатых людей. Интересно, как эта разница доходов видна довольно ярко на улице, по крайней мере, по моему мнению.
- СА: Ухум

В этом примере интересно как негативная речь производит более негативную речь, и один репертуар выигрывает у других репертуаров. Таким образом один способ толкования становится доминирующим. Первое выступление У начинает этот разговор про представления о России. У рассказывает, как из России слышишь

прежде всего негативные вещи, и он представляет обе стороны, поддерживающие это утверждение: *редко что-то позитивное оттуда можно прочитать, там обычно больше всяких проблем, чем чего-то хорошего*. Здесь используют слова как: *редко, обычно*, которые указывают на схематичность формулировки сценария.

В дополнении слово *что-то, чего-то* здесь: *ничего (harvoin mitään hyvää/positiivista)*, которое является формулировкой крайнего типа повторяется при разговоре о позитивном, связанном с Россией. Лишение позитивных вещей усиливает и подчёркивает негативные вещи, связанные с Россией. По этому мнению, с России ассоциируют негативные вещи и проблемы, редко хорошие и позитивные вещи. Так, используя слово *редко* в указании на позитивные вещи, например, вместо более яркого и сильного слова формулировки крайнего типа: *никогда*, У сохраняет убедительность. У представляет свое представление о России нормальным и правдоподобным, и также убедительным.

Мы обратили внимание на то, что У говорит об этих новостях как объективной истине, и он не ставит под вопрос негативные новости о России. У не принимает во внимание роль СМИ, как тот, кто выбирает и распределяет представленную информацию. Вдобавок рефлексии о своем выборе как потребителе информации в этом примере не возникает: каким СМИ следовать не имеет значения и разницы, как если бы они все производили объективную и достоверную информацию о России.

ПА присоединяется к мнению У о негативных представлениях о России. Потом она использует слово *сама (mulla on ite ollu)* и принимает во внимание на свой опыт о России и русских, это придает дополнительную убедительность её словам. После этого она указывает на своего бывшего мужчину, у которого родственники в России, (отчего она посетила Россию много раз). Сейчас говорящий является экспертом и таким образом ее слова имеют больше убедительности и веса. ПА подчеркивает отличия России и русской культуры: *кажется, у них вроде совсем другая культура и другой*

стиль жизни, что все ситуации каким-то образом, вроде места работы и все какие-то очень разные. Слова другой и разный повторяются.

Выражение, *все ситуации* сильное и слово *все* относится к формулировке крайнего типа, таким образом говорящий усиливает свой аргумент: не только некоторые ситуации, а все. В конце, представляя пример о рабочих местах, ПА обращает внимание на свой опыт: *по крайней мере, что я знаю*. ПА словно без вопроса об уточнении продолжает и дает подробный и дополнительный отчет об отличиях мест работы и ее слова делаются более убедительными. В заключение своего выступления ПА проясняет свою историю, противопоставляя Россию и Финляндию: *что очевидно не так же, как в Финляндии, и что всё вроде написано на бумаге и по правильному будут так что*. Это противопоставление поддерживает вышеуказанное отличие России. В предшествующем предложении и в других словах ПА повторяется слово: *вроде/ так (niinku)* - возможно это является знаком хеджирования.

Также интересно, как ПА обобщает на основе одного опыта, т.е. определяет весь народ на основе одной семьи. Здесь не принимается во внимание, что эти упоминающие свойства: *не гостеприимный, не тёплый*, могли бы касаться только этой одной семьи и её культуры. Все-таки ПА обобщает весь народ на основе опыта одной семьи.

СА продолжает эту же линию говоря, что *довольно много негативного*. В своем выступлении она использует минимизирующие слова, такие как: *довольно, не очень, в самом деле*. Так она уменьшает значение упомянутых вещей, или силу своего мнения. Список с третьими пунктами, описывающий Россию, содержит в себе эти минимизирующие слова: *Да довольно много негативного и, потом, это не очень хорошая страна к человеку, чтобы жить, потому что у них в самом деле нет прав человека*. На наш взгляд здесь дело не в том, что говорящий минимизирует эти вещи, а в самом минимизировании своего выступления и мнения, чтобы эти вещи не звучали бы так сильно.

Также Л следует этой же линии и упоминает эти же вещи, как и другие. Она также использует минимизирующее слово: *довольно*, говоря о бедности в России. Общее в выступлениях СА и Л, что они используют страдательную форму, когда описывают Россию. Это отличается от предшествующего выступления ПА, в котором сам говорящий является субъектом, действующем лицом.

В этом примере участники представили очень похожие представления, и они достигли какого-то консенсуса. Об этом можно сделать такой вывод, что большей частью СМИ, которые эти участники используют, концентрируются на сообщении негативных новостей о России. Как упоминали в начале, здесь негативная речь производит более негативную речь, никто не упоминает ничего позитивного и негативные представления только выражаются разными способами: кто-то выражает свое мнение более радикально, чем кто-то другой.

5.4.2.1.2 *Предубеждения против России правильные*

При помощи репертуара «предубеждения против России и новости о России являются правильными» проговаривались личные опыты участников или кого-то другого, где предубеждения и предрассудки оказались правильными. Также новости, которые наши участники читают, поддерживают этот взгляд. В соответствии с этим репертуаром предубеждения понятные и некоторые из них правильные. Их представили через использование в том числе формулировки сценария. Никто из наших участников не сказали ничего позитивного о правительстве и политике России, но некоторые также сказали, что они почти ничего не знают о них, только что написано об этом в СМИ. По мнению некоторых участников, на политику России ещё влияет политическая система СССР.

В обсуждении возникло много разных негативных представлений о России: Россия является опасной и воинственной страной, и она являлась такой всегда. По мне-

нию некоторых участников, следующие вещи являются свидетельства бедности и неблагополучия в России: оттуда приезжают в Финляндию, чтобы найти работу, права человека не исполняется в России и там не терпят различий.

Эти взгляды поддерживали, например, разными историями: представление рассказа русских гомосексуалов о нетерпимости к различиям в России, рассказ о украденной сумке доказывает, что в России опасно. Рабочая жизнь в России вызывает подозрение у участников - там коррупция, обманы, низкие зарплаты и т.д. В этом репертуаре разные страны, часто западные страны, являлись предметом сравнения. Этот репертуар поддерживали с помощью создания контрастов между странами и создания списков о правильных, достоверных предубеждениях.

(7)

P: Ja kyl sillee jos matkaamista mieltii ni tuli just mieleen ni öö äiti ja isä kävi jokin aika joi-takii muutamii vuosii sitten joidenkin kavereiden kans just Moskovassako ne nyt oli vai oliko Pietarissa jommassakummassa nii öö me ollaa paljo just matkailtu niiku eri maihin ja kaikkee meil- >okei myös tuurista kiinni< ni meilt ei oo ikinä varastettu mitään mutta siellä varastettiin bussissa äidiltä [käsilaukku] että niiku siinä mielessä ehkä vähän joo \$vahvistaa stereotyyppioita\$ >näihin asioihin< liittyen sitte sekin kyllä ehdottomasti

PR: [mm]

PR: Mut toisaalt tääl on sit taas paljon myöskin esim. ----- jotka käy hirveen tiuhaan Venäjällä koska tästä helppo lähtee vaan nousta [junaan ja sä oot muutaman tunnin pääst Pietarissa esimerkiks (0.5) kylhän et kylhän ihmiset tykkää myös käydä siellä [Pietarissa ja onhan se nyt sellain hyvä paikka ☺>varmaan<☺

П: Да, если я думаю о путешествии только что приходило на ум, что мама и папа несколько лет назад с какими-то друзьями посетили Москву или Санкт-Петербург, один из двух, и мы много путешествовали в разные страны и у нас, ну, конечно, зависит от удачи, у нас никогда ничего не украли, но там в автобусе у мамы украли сумку, что в этом смысле может быть немного, да, укрепляет стереотипы, связанные с этими вещами, это тоже да, безусловно

ПР: Ммм

ПР: Но, с другой стороны, здесь много людей,----- которые очень часто посещают Россию, потому что отсюда очень легко отправиться, только садишься в поезд и через несколько часов ты в Санкт-Петербурге, например, людям нравится также посещать там Санкт-Петербург, и это же такое хорошее место, наверное.

Здесь П использует инструмент «право на категорию», с помощью которого придают достоверность своему аргументу. П рассказывает о инциденте, произошедшем в России с ее родителями, т.е. воровство сумки мамы. Об этом он рассказывает, упоминая о том, что они много путешествовали, но нигде в другом месте такого не случилось. П не упоминает, в каких других местах они путешествовали. Из этого можно сделать такой вывод, что в России действительно опаснее, чем в других местах и, по крайней мере, по мнению, П этот стереотип является правильным и это основывается на опыте близких людей.

Воровство случилось в общественном транспорте, в автобусе, а не в переулке, например. Здесь интересно, что в начале выступления П заметна неясность: *мама и папа несколько лет назад с какими-то друзьями посетили Москву или Санкт-Петербург, один из двух*. Позже появляется уже точное наблюдение: *но там в автобусе у мамы украли сумку*. Здесь самым важным является этот инцидент, что случилось, а не где или, когда. Это внимание является стереотипом или предубеждением, которое хотят выявить/представлять. После этого речь становится менее ясной и П использует слова как: *что в этом смысле может быть немного, да*. Немного является словом минимизации, которое указывает на то, что это происшествие немного умножает стереотипы, связанные с этими вещами, именно *немного*. Здесь знаком возможной неуверенности о том, что, что по-настоящему умножает стереотипы и предубеждения, является использование этого слово, *немного*. Все-таки П кончает свое выступление, заявляя, что этот инцидент умножает стереотипы: *да, безусловно*. Что П хочет достигать этим?

ПР продолжает, представляя другой взгляд: В России легко поехать, и особенно Санкт-Петербург часто посещают, значит это, наверное, хорошее место. Интересно как ПР использует право на категорию, говоря о жителях одного финского города. Таким образом также слова ПР становятся более убедительными, хотя данная категория не является столь же близкой, как, например, у П, его родители. Хотя ПР не прямо выражает другое мнение, она представляет, что люди любят ездить в Россию, и это

говорит о хорошем, особенно если люди ездят туда часто, неоднократно. К всему прочему, ПР использует Санкт-Петербург как пример города, т.е. представляет точное и определенное место, не так, как П, который не был уверен о том, что в каком городе это было: в Москве или Санкт-Петербурге.

Это выступление ПР функционирует как представление следующего репертуара – Россия, как и другие страны. ПР доказывает это утверждение, указывая на опыты других жителей города и с помощью точного описания: *отсюда очень легко отправиться, только садись в поезд и через несколько часов ты в Санкт-Петербурге*. Все же ПР кончает свое выступление, утверждая, *наверное*, т.е., наверное, это хорошее место, но может быть и нет. ПР описывает легкость путешествия и что это является нормальным. Это отличается от выступления П: единственный опыт путешествия, где предубеждения оказались правильными.

5.4.2.2 Второй конец континуума: Россия, как и другие страны и образ России является односторонним

Второй конец континуума содержит в себе такие репертуары как: Россия, как и другие страны, и образ России является односторонним. В этих репертуарах Россию не описывали как необычную или экзотическую, как в предыдущих репертуарах. В отличие от таких представлений, здесь Россия является обычной и как другие страны: туда можно ехать, как в другие страны. Согласно репертуаром образ России является односторонним; мы получаем одностороннюю информацию о России и новости о России сосредотачиваются на негативных вещах. Этот репертуар относится к неэссенциализму. В этих репертуарах информанты использовали такие инструменты как: права на категорию, подтверждение, формулировка сценария и минимизация.

5.4.2.2.1 *Россия, как и другие страны*

Репертуар «Россия, как и другие страны», появился в обсуждении возможных путешествий в Россию. Было сказано, что Россия такая же, как другие страны, и там есть разные возможности - туда можно ехать чтобы путешествовать, работать или учиться. С другой стороны, туда не надо ехать или переезжать, как во многие другие страны. Добавили также, что, это наверно хорошее место, потому что из Финляндии посещают Россию, именно из своего родного города, например, туда ездит знакомый или сосед и т.д., т.е. многие ездят в Россию. Участники считают, что в России существуют возможности, например, сосед строит карьеру в России. Они являются так называемые нитями (thread) (Holliday 2011) в обсуждениях; такие критические высказывания редко или почти никогда не получали развития и «повисали в воздухе». Однако на них иногда реагировали с возражением: в России показывают такие места, которые они хотят показывать; значит посетитель не может верить в то, что видит, иными словами, лучше не ехать, потому что всё-таки будет невозможно увидеть настоящую Россию.

Как в другом репертуаре представили отличия России, говоря о больших расходах доходов в этой стране, так и в этом репертуаре отметили, что бедные и богатые люди есть везде. Сказали, что у России есть и позитивная сторона, так как ее посещают из Финляндии, например, из родного города говорящего. Мы обратили внимание на это: хотя только некоторые участники были в России, они знают людей, путешествующих в Россию, и поэтому Россия является выбором место отдыха, как любая другая страна. Разговор об отличии России в сравнении с другими странами предшествовал следующим примерам. Примерами инаковости являлись сложный русский язык и буквы, написанные на кириллице, - если они не знакомы и не понимаешь язык, трудно ориентироваться в России.

(8)

- PA: Nii on kyl vaikeet et muis mais jonku kahvilan löytäminen suht helppoo mut Venäjällä sitte ni on \$vähän\$ haastavampaa ja sitte just kaikki kyltit ja opastukset >ku mäki oon monta kertaa menny jostain ovest sisään mikä on näyttäny joltain kerrostalon rappukäytävältä ni siel onki ollu joku ostoskeskus (nauruu) ni se on aina vähän ylläri mitä sielt oven takaa tulee<
- L: Kyl mä voisin niiku kuvitella et johki opiskeleen et jos on mahdollisuus tai sit joku työmatka niin voisin mennä sinne
- A: Mm ihan minne päin tahansa Venäjää vai jonnekin tiettyyn?
- L: No ei silleen mitään tietty et sillee niiku riippuu vähän siitä niinku et jos niinku töiden kautta vaikka ni kylhän ne niiku tietää sit et mihin lähettää siel et mun tuttu on ainaki menossa niinku työmatkalle tammi-helmikuussa sinne sinne johki >mä en oo ihan varma minne päin< mut sillee ihan mielenkiintosta et se niiku pääsee näkeen sitten sitä
- PA: Да, это трудно, в других странах довольно легко найти какое-то кафе, но в России это немного сложнее, и все вывески и (на русском языке) я тоже много раз шла, внутри дверь, и выглядело как подъезд многоэтажного дома, и там был какой-то торговый центр, так это всегда немного сюрприз, что за дверью.
- L: Да, я могла бы вроде воображать, что (можно поехать) куда-нибудь учиться, что если есть возможность или какая-то командировка, так я могла бы поехать туда.
- A: В любое место в России или в какое-то известное/определенное место?
- L: Ну, не какое-то известное, что это вроде зависит немного от того, что, если вроде через работу, так они же вроде знают, куда послать, так что мой знакомый, по крайней мере, будет ехать вроде в командировку в январе, феврале куда-то туда, я не уверена куда, но это каким-то образом довольно интересно, что он как будто будет видеть это тогда.

В этом примере Л говорит о России, как и о любом другом месте. Это первое выступление Л отличается от выступления ПА, в котором описывают сложность русского языка и неожиданности в России. В обоих выступлениях Л часто повторяется слово *как*, к тому же слово *так* повторяется во втором выступлении. Возможно эти слова являются знаками хеджирования.

Во втором выступлении используя выражение, *мой знакомый*, Л употребляет инструменты: права на категорию и подтверждение. Этот знакомый является т.н. объективным свидетелем, который увеличивает значительность и достоверность слов Л. Таким образом можно получать больше подкрепления своего интереса путешествовать

в Россию: кто-то, знакомый говорящего, ездил в Россию в командировку. Это поддерживает мысль о том, что говорящая могла бы сама ехать в Россию в командировку. Здесь возникает вопрос о том, обязательно ли поддерживать свой интерес путешествовать в Россию упоминанием о поездках знакомого?

Никто не продолжал разговор с этим репертуаром, и этот репертуар, как и другие подобные репертуары, где Россию описывали как любую другую страну, не вызвал откликов. Возможная причина – они т.н. скучные представления о России, и поэтому это неинтересно комментировать, или они являются такими представлениями, которыми не предлагают готовый образ или готовое представление о России, а они скорее действуют для начала разговора. Так случилось также с предыдущим примером: никто не комментировал выступления ПР или продолжал говорить на эту тему.

5.4.2.2.2 *Образ России является односторонним*

Согласно другому репертуару, Россия уже долго имела плохую репутацию и в СМИ, школе и армии представляли предубеждения против России. Участники отметили также, что у их знакомых есть предубеждения против России. В этом репертуаре образ России является односторонним, и участники ставят под вопрос достоверность СМИ и также школьное обучение, связанное с Россией. Упомянули установку о «хорошем западе» и «плохой России» и то, что Россия уже долго являлся примером врага, например, в американских фильмах. По мнению двоих участников, Россия также являлась примером врага в армии: “Говорили о желтом государстве, хотя могли бы просто сказать прямо, красное государство.” По мнению многих участников, России сложно изменить свою репутацию. Также возникло желание самим видеть и узнать Россию, не опираться на мнения других, или не столь достоверных вторичных источниках.

В обсуждении появилось мнение, что согласно некоторым участникам о России сообщают большей частью негативную информацию, и в обсуждении поставили под вопрос СМИ, потому что согласно им, главной целью СМИ является получение большего числа читателей, и это происходит при помощи негативных сообщений. Один участник отметил, что не может верить никаким новостям о России. Другой сказал, что нельзя доверять всему, это невозможно, что там всё плохо. Один участник утверждал, что хочет посетить страну, чтобы увидеть своими глазами, и не надо опираться на СМИ, потому что о хороших вещах, не сообщают, они остаются неизвестными. Говорящий хочет сам составить свое собственное мнение. По участникам русских СМИ не видно и слышно, и это объяснили цензурой России.

С другой стороны, один участник не видит смысл неправильного негативного сообщения о России, потому что Россия сама использует дезинформацию. Сказали, что плохая репутация страны также влияет на граждан - участники сожалеют об их ситуации и плохой репутации их родины. Плохую репутацию России представили с помощью инструмента формулировка сценария. Россия всегда была проблематичной страной и всегда будет такой. С другой стороны, этот же инструмент использовали, когда ставили под вопрос достоверность СМИ в сообщениях о России, например, хороший запад, плохая Россия, у России уже давно плохая репутация.

В следующем примере представляют одностороннее сообщение о России и разные способы реагировать на это.

(9)

A: Tossa just aikasemmin sanoittekin et mitä ootte vaikka sitte lukenut tai kuullu Venäjästä ni tota mitä mieltä te ootte niistä sitten mitä ootte kuullu telkkarista tai sitten lukeneet jostain tai?

U: No sehän niinku riippuu aika paljon siitä lähteestä et mistä sen kuulee mutta kyllä jos on joku luotettava media ni kyllä mä aika lailla niinku truskon EN MÄ NÄÄ MITÄÄN SYYTÄ et miks niiden täytyis jotain valeuutista niinku Venäjästä levittää että yleensä se on niiku toisin päin että Venäjällä levitetään kaikenlaisia valeuutisia (0.5) siel on niitä trollejakin mitkä sitten niinku häiritsee tätä niiku muuta maailmaa

- L: No siis lehdet nostaa niin paljon niitä negatiivisia koska ne on niitä kiinnostavim- kiinnostavampii et silleen et siitä positiivisesta sitten ei oikeen oo niinkään sit Suomeen varmaan uutisoitu oikeen koska ne niiku >haluu sitä et ne jutut on kuitenkin mielenkiintosa ja ihmiset keskittyy ja sit se on yleensä se negatiivinen mikä myy paremmin< =
- PA: = Nii toi on kyl totta et jää sit ne hyvät <vähän enemmän pii::loon> =
- SA: = Mut sit sit on se yks ohjelma mä en muista mikä sen sukunimi on mut se [Ville] se \$kiertää siellä Venäjällä\$ ni eiks siinä on kuitenkin aika positiivinen (kuiteski) =
- PA: [Haapasalo]
- PA: = No on siinä kyllä mut ehkä tollee ku miettii jotain lehti-juttuja ni [□>enemmän kyl varmaa negatiivista<□
- SA: [Nii]
- A: Вы раньше сказали, что вы, например, читали или слышали про Россию, что вы думаете об этих вещах, которых вы слышали на телевидении или читали где-то?
- У: Ну это довольно много зависит от источника, откуда слышишь, но если это какое-то надёжное СМИ, так в основном я верю, я не вижу никакую причину тому, что почему им надо распространять какую-то дезинформацию о России, что вообще это наоборот, что в России распространяют всякую дезинформацию, и там такие тролли, которые мешают этому остальному/другому миру.
- L: Ну, итак газеты подчеркивают так сильно эти негативные вещи, потому что они являются самыми интересными, итак о позитивном, наверное, не очень много сообщают в Финляндии, потому что они хотят, чтобы эти статьи были интересными, и чтобы люди концентрировались, и так обычно это негативное, которое лучше продаётся
- ПА: Так это правда, что эти хорошие немного больше остаются неизвестными
- СА: Но затем существует эта одна программа, я не помню его фамилию, но это Вилле, он ездит там по России, и так это программа довольно позитивная
- ПА: Хаапасало
- ПА: Ну да, но если думается больше о статьях в газетах, так наверное больше негативного
- СА: Да

Говоря о России во взгляде, предлагаемом У, внимание акцентируется на слове: *там*, и это предполагает, что также существует *здесь*, значит здесь у нас, в Финляндии, на западе. Таким образом создают социальные группы: там - здесь, они - мы и т.д. Там

нельзя доверять СМИ и здесь можно, и это подчеркивают, говоря, что вообще это наоборот, там дела обстоят плохо. В этом выступлении делают резкое разделение, т.е. контраст между Россией и остальным миром: *и там такие тролли, которые мешают этому остальному/другому миру.*

С начала до конца в выступлении Л субъектом являются *газеты*. А в предыдущем выступлении У вместо того главную роль играет сам говорящий, я. ПА соглашается с мнениями Л о сообщении про Россию. И Л и ПА представляют соревнующийся репертуар к репертуару/утверждению У. ПА использует слово минимизации: *немного*, которое может указывать на того, что недооценивают значения хороших новостей, которые остаются за негативными новостями. Интересно, что ПА добавляет после слова *немного*, слово *больше*, т.е. имеет ли она в виду, что и негативные новости остаются неизвестными и позитивные остаются такими немного больше?

В этом примере возникает идеологическая дилемма: до какой степени сообщение про Россию правда? Л и ПА ставят СМИ под вопрос и делают такой вывод, что сообщение СМИ о России является односторонним, т.е. в основном новости негативные. После этого СА старается балансировать, упоминая программу Вилле Хаапасало, – это появилось уже в связи с другим репертуаром, о позитивных стереотипах. СА предлагает решение для этой дилеммы: В Финляндии также расскажут и позитивные вещи о России. Проблема в том, что эти позитивные стереотипы являются очень упрощёнными и обобщающими, хотя они не так вредны, как негативные. Они относятся к эссенциализму. ПА комментирует и дает согласие, что в этой программе есть что-то позитивное, но все-таки она возвращается обратно к тому, что в газетах сообщения о России в основном негативные. Дилемма не разрешаются, но все-таки разговор возникает вокруг этой темы, иначе, чем в других примерах репертуара: Россия, как и другие страны. Далее мы открываем идеологические дилеммы, которые возникли в речи наших информантов.

5.4.3 Идеологические дилеммы

Идеологические дилеммы возникли в обеих главных темах: *представления о России и представления о русских*. Континуумы в обеих темах представляют это, потому что разные репертуары создают конфликты, иными словами, идеологические дилеммы. Идеологические дилеммы существуют у индивидуума и между индивидуумами. Участники балансируют между разными позитивными и негативными стереотипами, особенно когда это касается русских людей. Они также балансируют между стереотипами и более правдивым и многосторонним, т.е. неэссенциальным представлением о России и о русских – которое может быть не является таким интересным.

По отношению к России идеологические дилеммы возникают, когда информанты обсуждают вопросы о предубеждениях и их правдивости, например, опасения, связанные с Россией. Как решать ситуацию, в которой, по участникам, некоторые из предубеждений правдивые, а некоторые нет? Это важные вопросы, потому что в нашем материале появилось, что предубеждения могут стать препятствиями для путешествия в Россию, или, по крайней мере, Россия не является таким привлекательным выбором как другие страны. Вопрос о роли СМИ обсудили в обеих группах: Россию представляют в финских СМИ в неблагоприятном свете, с другой стороны, часть их предубеждениях правда.

Эта идеологическая дилемма не разрешалась. По мнению большинства участников, о России сообщают в основном негативно – какие новости являются правильными и какие нет, т.е. с какими новостями и заголовками только стремятся к получению внимания? В этом контексте также возникла цензура в России; отсюда так мало слышат. По информантам предубеждения против России получают кроме СМИ, из школы, армии, семьи, знакомых, также события истории производят предубеждения. В дополнение, согласно участникам, плохие личные опыты с русскими людьми могут

производить предубеждения против русских. Говоря о предубеждении, возникли идеологические дилеммы; участники балансируют между предубеждениями и их правдивостью. В некоторых случаях информанты представили, что они хотели бы съездить в Россию и таким образом создать свое собственное представление о России и особенно о русских людях.

Участники выявили опасения относительно России, и ставили под вопрос их распространение в школе; но также, по участникам, опасение является понятным, из-за расположения Финляндии рядом с Россией. В следующем примере показаны идеологические дилеммы, связанные с Россией.

(10)

A: = Enemmän semmoin niiku [oma kokemus joku semmonen omakohtanen =

PR: = Täs on niiku siis pakko sanoo et toisaalt niiku oikeesti tää nyt ei oo niiku oma kokemus mut se miten on vaik historian tunneilla puhuttu Venäjä vaikka Venäjä-Suomi välisistä asioista ni kyllä (painotus) se jo tuo sellasen ennakkoluulon Venäjää ja venäläisiä kohtaan ku opetetaan koko [historian tai] koko kouluajan siitä miten niiku ollaan taisteltu ja [daa daadaa daa kuinka Venää pitää pelätä ja

P: [(naurua)]

P: [Juu ei se koulus mikää niinku hirveen \$[positiivinen kuva]\$ tuu Venäjästä niiku oikeen mil- missään (0.5) \$missään\$ (naurua) =

PR: [Ei]

S: = Joo, se on se on kyl totta et suomalainen koulujärjestelmä kyl opettaa hyvin paljon ennakkoluuloi Venäjää [kohtaan] mut sit taas toisaalt osa niist ennakkoluuloist on ainaki omast mielest \$ihan niiku\$ (totta)

PR: [Mmm]

A: [Mmm]

P: = Juu ei ne kaikki väärin oo

PR: = Ei

S: Ei ei ei oo väärin mut ehkä se on väärä tyyli lähestyä asiaa

PR: Mmm

- А: Больше как такой ваш собственный опыт
- ПР: Здесь надо сказать, что, с другой стороны, вроде по-настоящему это не как собственный опыт, но как, например, преподаватели говорили на уроках истории, например, о делах между Финляндией и Россией, да так это уже производит такое предубеждение против России и русских, когда преподают всю историю, или всё школьное время, как сражались и даа даадаа даа, и как Россию надо бояться и
- П: (смех)
- П: Да, в школе не получается очень позитивный образ о России вроде нигде
- ПР: Нет
- С: Да, это правда, что финская школьная система обучает очень многим предубеждениям против России, но, с другой стороны, часть этих предубеждений по моему мнению совсем вроде правдивые
- ПР: Ммм
- А: Ммм
- П: Да, не все эти предубеждения неправильные
- ПР: Нет
- С: Нет, они неправильные, но, может быть, это неправильный стиль подхода к делу
- ПР: Ммм

В этом примере представляют репертуар, по которому в школе о России давали односторонний и негативный образ, и это умножает предубеждения. ПР начинает свое выступление, используя выражение *надо сказать*, которое указывает на *участие инокуляции*: значит аргумент говорящего могут считать сомнительным, односторонним или субъективным мнением, или опытом. Это потому, что говорящий должен защищать свою точку зрения, и возможно говорящий думает, что это не прямо отвечает на вопрос модератора, так как ПР продолжает: *это не как собственный опыт, но.*

Дальше говорящий использует выражение «всё школьное время», которое является семантически крайним, т.е. *формулировкой крайнего типа*: не только часть школьного времени, а всё время. Таким образом ПР создает достоверность и усиливает свой аргумент о происшествии, которое умножило предубеждения против России. В своем выступлении ПР также использует *формулировку сценария: всё школьное время*.

Также заметно как говорящий ставит себя на позицию *объекта*: в школе преподаватели передавали к говорящему этот образ России, который умножает предубеждения против России. Таким образом и используя выражение *всё школьное время*, ПР усиливает представление о самой себе как *объекте* (позиция субъекта), который никак не может влиять на предубеждения, которые, например, школа ей дала.

В самом конце ПР использует *косвенную речь иначе действительный залог: как сражались и даа даадаа даа, и как Россию надо бояться и*. Это является риторически эффективным *списком*, с третьими пунктами, из которых один пункт является наполнением: *даа даадаа даа*. Эти слова представляют то, что было сказано преподавателем, и это умножает аутентичность рассказа. ПР позволяет своему преподавателю и книгам про историю говорить через нее, и это называется *косвенная речь иначе действительный залог*. (Wiggins 2017.) Здесь говорящий критикует процесс идеологической социализации, который произошел в школе. ПР одновременно располагается и на позиции объекта или жертвы, и на позиции человека, который относится критически к преподаванию в школе.

П и С соглашаются с ПР. С представляет репертуар, по которому в школе преподают предубеждения, однако С кончает свое выступление замечанием о том, что, по его мнению, часть из предубеждений является правильной. Этот комментарий указывает на идеологическую дилемму, которую участники начинают разрешать, но данная дилемма остается без решения. Кажется, что и П и ПР согласны с С. Тогда С продолжает, предлагая решение среднего пути и совещается между этими двумя репертуарами.

В конце концов С соединяет их: существуют факты, но возможно они могут представлять по-другому образу или их могли бы обсуждать по-другому. Таким образом С берёт себе позицию человека, относящегося критически к России и к финской системе образования. И это вызывает важный вопрос: можно ли об этих делах говорить другим образом?

5.4.4 Позиция субъектов

Позиция субъектов связана с понятиями идеологических дилемм и интерпретативных репертуаров. Представляя какой-то репертуар интерпретаций, говорящий берёт себе позицию, связанную с репертуаром. Разные репертуары соревнуются в идеологических дилеммах, так что в этих ситуациях также появляются разные позиции субъектов. Позиция субъектов, возникают и в репертуарах, касающихся России и в репертуарах касающихся русских. У участников разные позиции, и также их позиции меняются во время обсуждения.

Анализируя наш материал, мы заметили, что очевидно большинство из наших информантов относится критически к России, другими словами они занимают по отношению к России критическую позицию. В этом смысле они относятся критически к государству и к правительству России и некоторые участники проводят четкую разницу между государством и народом. Также такие ранее упомянутые выражения, связанные с русскими, в которых использовали освобождение от ответственности как: *я не могу сказать, что все такие, я не хочу указывать на стереотипы, но*, ставят говорящего о России в критическую позицию, но это уже находится на другом, высшем уровне критического отношения к русским. Впоследствии мы выясним эти разные уровни.

Стоит отметить, что в обсуждениях фокус-групп у позиции, относящейся к России критически, разные уровни: общая критика к России или критика, содержащая

предубеждения или даже националистические взгляды. Вдобавок, мы заметили позицию критического космополита (Holliday 2011): общее критическое отношение в том числе к СМИ и другим вторичным источникам (речь и опыты других людей), желание видеть своими глазами и знание о том, что возможно там в России есть что-то хорошее, хотя и без личного опыта. Данная позиция включает в себя также идею о том, как описывают русских людей – как массу людей или как индивидуумов: люди как я и ты, например, через использование местоимения мы и считая русских частями группы «мы». Наоборот, когда критический космополит отказывается от стереотипов, тогда космополит (Holliday 2011) представляет позитивные стереотипы о стране и о людях и, в частности, хочет путешествовать туда и везде. Космополитизм тесно связан с эссенциализмом.

Позиция эксперта была представлена двумя способами. Первый из них позиционирование себя как эксперта через, например, наблюдение за новостями и пересказ их содержания, также через повторение исторических событий. Таким образом говорящий представляет свое объективное знание о России, и это может умножать достоверность его рассказа. Вторым способом является опыт говорящего, который представляет на базе личного опыта в том числе, пребывание в России и контакты с русскими людьми. Таким образом говорящий может получить особое положение, особый статус эксперта в обсуждении. Мы нашли также следующие позиция субъектов: роль жертвы или объекта. Данные позиция были представлены при помощи таких репертуаров: *в школе представили предубеждения против России, русские люди обращались с мной плохо*. Это является хорошим примером того, что одна и та же позиция может находиться на фоне разных репертуаров.

В следующем примере существуют три разные позиция субъектов: *человек, относящийся критически к России, космополит и критический космополит*. Также представлены соревнующиеся репертуары о России как посещаемом месте отдыха.

(11)

- P: Niin no toi kieli on kyl vaikee ku siel puhutaan kauheen huonosti tota [englantia esimerkiksi ni se on kyl sitten ku on niinku kirjaimetkin eri ku meillä >NI TUO VÄHÄ SEM-MOST HAASTETTA< mihin ei jaksa sitte ehkä ees niinkun lähtee paneutuu sen enem-pään että
- U: [Nii]
- U: Nii
- A: Entä sitten teillä?
- L: No siis kyl mä voisin niinku siis mennä sinne miettii niinku että on siel nyt parempi ti-lanne ku jossain Lähi-Idässä et niiku kyl mä voisin niinku mennä näkee sen millanen se on oikeesti koska ei sitä just uutisten varaa halua jättää >sitä mielipidettä< että parhaiten sen näkee ku menee paikan päälle ja sit saan sen oman mielipiteensä kaikest tost
- U: Sekii on just et mihin menee siel ku ne haluaa aina näyttää sen (.) niinku kaikille turis-teille ne kaikki rikkaat puolet sieltä mut sit siel on oikeesti tosi paljon niitä kaikkia kyliä-kin siellä kaikkee köyhää ja hotellitki on niillä vähän niiku rikkaimmilla alueilla ja niinku (0.1) nii
- S: Joo kyllä se jollain lailla \$eiku mikäs se oli se kysymys oli\$
- A: Kiinnostaako kansainvälisyys että tota voisitteko lähtä Venäjälle vai oisko se sitten joku muu maa kuitenkin et oisko?
- S: >No voisin mennä Venäjälle ja voisin mennä \$myöskin muihin maihin\$ voisin mennä vähän kaikkialle (naurua)<
- П: Ну, с языком тоже сложности, потому что там говорят очень плохо по-английски, кроме того и буквы другие, чем у нас, это создает маленькую проблему, в которую, может быть, даже не хочется вникать.
- У: Так
- У: Так
- A: А как у вас?
- Л: Ну, значит я могла бы как ездить туда, когда думаешь, что там лучше ситуация, чем где-то на Ближнем Востоке, что я могла бы вроде ездить и видеть, какое оно на са-мом деле, потому что не хочется, чтобы это мнение зависело от новостей, что лучше это видеть, когда туда едешь, и так ты составляешь свое мнение обо всем этом
- У: Это же куда ездить там, потому что они всегда хотят показать всем туристам все эти богатые стороны, но тогда там на самом деле очень много всяких таких деревень, там и всё бедно, и отели находятся в этих немного более вроде богатых районах, и вроде так

- С: Да каким-то образом, а что это вопрос был?
- А: Интересует ли интернационализм, что вы могли бы ездить в Россию или лучше в какое-то другое место?
- С: Ну я могла бы ездить и в Россию и также в другие страны, я могла бы ездить немало везде (смех)

ПА начинает с репертуаром, который описывает Россию как вызывающее место для путешествия из-за сложного русского языка и плохого знания английского языка русскими людьми. Здесь делают обобщение о знании языков русскими людьми. В этом выступлении использовали разные дискурсивные инструменты, такие как использование местоимения мы-они и слово там. Вдобавок при помощи использования страдательного залога в выступлении представлено устройство несходство/отличие действующего лица-субъекта. Иными словами, активный субъект отсутствует: *это создает маленькую проблему, в которую, может быть, даже не хочется вникать.*

Выступление Л отличается от предыдущего тем, что сначала Л является активным субъектом, я, но это изменяется на пассивную форму: *потому что не хочется, чтобы это мнение зависело от новостей.* Возможно это хороший риторический способ, чтобы задать вопрос другим участникам. В этом выступлении создан контраст между Россией и Ближним Востоком. Это отличается от предшествующего выступления и в этом представляют другой репертуар: Россия как возможное место для путешествия и критическое отношение к новостям, связанным с Россией. При этом Л располагает себя на позиции критического космополита.

У реагирует, представляя противоположный репертуар: не стоит путешествовать туда, потому что там покажут вам то, что захотят, значит невозможно увидеть настоящую Россию. Здесь используют местоимения, разделение мы-они и создание «Другого» с помощью слов они, там. Также видна формулировка сценария: *они всегда хотят показать.* И ПА и У занимают позицию человека, критически относящегося к

России. Используя разделение, мы-они также занимают позицию финского человека, а не русского.

СА кончает этот разговор утверждая, что могла бы ехать в Россию и в другие места. В своем выступлении СА занимает позицию космополита. Возможно, что слова СА направлены на идеологическую дилемму: *Россия как вызывающее место и критический космополит*. Кажется, СА старается не подчеркивать Россию: *Ну я могла бы ездить и в Россию и также в другие страны*. Россия не является особым местом по сравнению с другими. Словно СА пытается смягчить конфликт, который возник. Возможно, смех знак хеджирования: СА хочет сделать серьёзную ситуацию менее серьёзной. Идеологическую дилемму не решают: соревнующиеся репертуары представлены: *не стоит путешествовать, мог бы путешествовать*.

5.5 РЕЗУЛЬТАТЫ

5.5.1 Формирование представлений о русских

Согласно нашим результатам, представление русского характера можно разделить на позитивные и негативные стереотипы: это является первым концом этого континуума: *русские такие*. Эти стереотипные представления являются эссенциальными, это национальные стереотипы.

Согласно некоторым информантам, русские, например, *неприветливый и грубые*. Часто негативные стереотипы о русских представили через личный опыт в форме рассказа, или обобщений и самыми популярными дискурсивными инструментами являлись: *нарративная структура, права на категорию, освобождение от ответственности, формулировка сценария, контраст, категория эмоции, перечисление, т.е. список с тремя*

пунктами. По нашему мнению, интересно, что самые сильные негативные стереотипы о русских почти без исключения представили с помощью *освобождения от ответственности*.

По мнению некоторых участников, русские *гостеприимные и дружелюбные*. В отличие от негативных стереотипов, позитивные стереотипы представили с помощью вторичных источников, таких как телевидение, развлечения, друзья и знакомые. Вилле Хаапасало заметили несколько раз вместе с позитивными стереотипами о русских и также о России. Когда наши информанты представляют опыты, рассказы, вообще произведении Хаапасало, они представляют позитивные представлений о России и русских. Но это не значит, что в этом контексте стереотипы не существуют. Здесь они только обычно положительные, и поэтому может их не так легко распознавать. И использованные инструменты: *формулировка крайнего типа, нарративная структура, несходство/отличие действующего лица-субъекта, права на категорию, использование местоимения и создание контраста*. *Формулировка крайнего типа* используется часто вместе с позитивными стереотипами в связи с русскими. На наш взгляд, это потому, что в нашем материале данные представления являются, за одним исключением, слухами, поэтому их надо усиливать и делать более достоверными каким-то образом.

Можно сказать, что эти стереотипные представления (позитивные и негативные) являются контрастными. Мы заметили, что в второй группе позитивные и негативные стереотипы чередовались, и несколько раз после представления сильного негативного стереотипа либо о России и русских, следовал позитивный стереотип, который поддерживали с помощью *формулировок крайнего типа*, как: *но русские люди очень гостеприимные и т.д.* Вообще информанты согласились со стереотипными представлениями, однако они признавали, используя *освобождение от ответственности*, что они осознают их как стереотипные представления.

В первой группе, в отличии от второй, позитивные стереотипы появились в конце обсуждения. На наш взгляд, возможная причина такой разницы: участники

первой группы являлись знакомыми модератора, т.е. исследователя, поэтому разговор шел свободнее. А информанты второй группы, незнакомые для модератора, и поэтому возможно, что они балансировали между этими стереотипами, чтобы сохранять хорошее настроение разговора. Хотя в этом репертуаре представили обобщения, также возникла идеологическая дилемма о разделении личного плохого опыта и представлении обо всем народе. Мы нашли следующие позиция субъектов, связанные со стереотипами о русских: *космополит, эксперт, имеющий опыт о России и о русских, жертва* плохого поведения русских людей и в России и Финляндий; *человек, относящийся критически к русским и России.*

Другой конец этого континуума: репертуар - *люди как люди*. В этом репертуаре участники не стараются определить русский характер и такой подход к русским направляется на неэссенциализм. Интересно, что в этом репертуаре информанты иногда забывали разные категории, такие как *мы* и *они* (финны, русские) а участники говорили о нас: *нам так много здесь и т.д.* Вместо создания контраста между русскими и финнами, информанты формировали единство. Самые использованные дискурсивные инструменты: *категория эмоции, минимизация и формулировка сценария.*

Этот репертуар не возникал в обсуждениях так часто как предыдущий репертуар, который обычно являлся популярнее, чем неэссенциальный репертуар, связанный с русскими. Часто неэссенциальный репертуар не поддерживался, и он оставался в тени эссенциальных репертуаров о русских. Мы сделали замечание о том, что на позитивные и негативные стереотипы реагируют, соглашаются или представляют другой взгляд, и разговор продолжается, не так как с неэссенциальными представлениями, которые часто остаются без внимания, и на них обычно не реагируют. По нашему мнению, возможно, что они являются «скучными репертуарами» по сравнению с эссенциальными.

Интересной деталью являлось то, что этот репертуар использовался только теми, кто никогда не были в России. В связи с этим репертуаром мы нашли одну позицию субъектов: *критический космополит, относящийся критически к разным категориям*

как русские, финны и к стереотипам и предубеждениям против России. Здесь возникла идеологическая дилемма о разделении российского государства и народа: как различать Россию и русских, политику страны и граждан страны? Эту дилемму не решили, и она осталась открытой.

5.5.2 Формирование представлений о России

В эссенциальных репертуарах о России подчеркивали отличия и необычность России. Мы нашли следующие репертуары: *Россия другая и предубеждения против России правильные.*

В репертуаре *Россия другая* информанты создали списки, контраст и использовали структуру нарратива. Вдобавок, использовали формулировки крайнего типа и сценария, права на категорию, также обобщения и минимизация, создание категории, мы-они и создание «Другого», т.е. «Чужого». В этом репертуаре собственные рассказы информантов, рассказы других людей, например, Вилле Хаапасало или знакомых и родственников, представляли, как правду. Также новости, связанные с Россией, представляли, как правдивые, и они не ставились под вопрос.

Здесь заметной чертой в обсуждении являлось то, как негативная речь создает больше негативной речи, и в конце концов остальные репертуары остаются в тени этого доминирующего репертуара. На такие и эссенциальные представления, особенно содержащие самые сильные негативные стереотипы, часто реагировали с позитивными стереотипами, как: *ну, люди там очень гостеприимные и т.д.* Возможно, участники старались избегать конфликта из-за сложности темы – и легче сбалансировать ситуацию позитивными стереотипами, чем рассматривать оба стереотипа критически. Здесь мы нашли следующие позиции субъектов: *эксперты*, основывающиеся на собственном опыте, *люди, которые относятся к России критически* и *космополиты*.

В репертуаре *предубеждения против России* правильные рассказали разные истории знакомых или известных людей, и в этих рассказах предрассудки оказались правильными. Информанты также показали информацию, полученную из СМИ, как доказательство правдивости предубеждений против России. По этому репертуару предубеждения понятные и некоторые из них правильные. Здесь использовали следующие инструменты: *формулировка сценария, нарратив, права на категорию и создание списков и контраста между Россией и западными странами*. Некоторые информанты старались отказываться от такого взгляда, по которому предубеждения являются правильными, но они остались без большого внимания в сравнении с таким репертуаром. Здесь мы нашли следующую позицию: *человек, относящийся критически к России*. Как мы раньше заметили, эта позиция содержит в себе разные уровни.

Часто неэссенциальные представления возникали как контраргументы к подчеркиванию различий и негативных сторон России. Один из таких репертуаров: *Россия как другие страны* и второй: *образ России является односторонним*. Большинство из них осталось без большого внимания как подобные репертуары, касающиеся русских.

В репертуаре *Россия как другие страны* участники старались приближать Россию через представления, по которым Россия не так экзотическая в сравнении с другими странами: в других странах также много бедных и очень богатых людей и т.д. В этом репертуаре использовали следующие инструменты: *хеджирование, подтверждение, права на категорию*, а категории не являлись такими близкими как в эссенциальном репертуаре: *местные жители, финны, сосед*. Такие категории представили, чтобы показать Россию как обычную страну: согласно некоторым информантам, туда ездят из Финляндии, и даже знакомые люди путешествуют в Россию.

На наш взгляд, таким образом, создают образ России как нормального, т.е. обычного и хорошего места. Однако, нам кажется интересным аспектом то, что, упоминая поездки знакомых поддерживают личное желание путешествовать в Россию: недостаточно, что человек сам хочет ехать в Россию, а надо заметить, что люди ездят туда. Некоторые участники также заметили, что хотели бы посетить Россию, чтобы самим

создать своё мнение о России. Такие представления редко вызывали больше разговора и по-нашему мнению возможно, что они не являются такими интересными, по сравнению с представлениями об экзотической и необычной России. Здесь мы нашли следующую позицию: *критический космополит*.

Второй репертуар: согласно большинству участников, *образ России является односторонним* и обычно довольно негативным, особенно в финских СМИ и новостях. По некоторым информантам у России плохая репутация – Россия долго являлась образом/примером врага в западных странах: «хороший запад» и «плохая Россия». По информантам предубеждения против России получают из СМИ, также некоторые заметили: из армии и школы. Репертуар о одностороннем образе России представили через *формулировку сценария, несходства/отличия действующего лица-субъекта*. Часто в этом репертуаре СМИ показывали, как действующее лицо, и самих информантов как объектов. Здесь можно найти следующие позиции субъектов: *жертва* предубеждений против России, полученных, например, из финских СМИ и школы, *критический космополит (скептик)*, относящийся критически к СМИ и разные системы как финская школьная система и т.д.

Некоторые участники не доверяют вторичным источникам, и поэтому им было бы интересно ездить в Россию и сами видеть своими глазами, чтобы создавать свое собственное мнение. В этом контексте возникла идеологическая дилемма от том, до какой степени предубеждения и односторонние (негативные) новости о России правда, или это только нужно СМИ, чтобы получить больше читателей и внимания. Хотя эту дилемму не разрешают, разговор станет более многосторонним с этой темой чем, например, с другом неэссенциальном репертуаром: *Россия как другие страны*. Здесь мы заметили, что, по мнению участников, представления позитивных стереотипов о России недостаточно, чтобы создать многосторонний образ России. Мы обратили внимание на такие выражения информантов: можно говорить и сообщать о России по-другому, с более нейтральным оттенком?

5.6 ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной главе мы представим выводы аналитической части нашей дипломной работы. Мы нашли из нашего материала следующие представления о русских: *Русские такие (негативные и позитивные стереотипы), русские как другие люди*. И следующие представления о России: *Россия другая, и предубеждения против России являются правильными, Россия как другие страны и образ России является односторонним*. Эти эссенциальные и неэссенциальные представления чередовались в нашем материале. Поэтому можно сказать, что эти представления, т.е. репертуары являются контрастными, даже поляризованными. Следовательно, разные идеологические дилеммы возникают, и у участников появляются разные позиции субъектов.

Часто неэссенциальный репертуар не развивался в обсуждении и оставался в тени эссенциальных репертуаров, содержащих стереотипы о России и русских. На наш взгляд, возможной причиной является, что неэссенциальные представления более скучные, чем эссенциальные – в отличие от эссенциальных, они открытые, и они не предлагают готовых ответов, а они действуют как начало разговора. Возможно, что стереотипы и эссенциальные представления вызывают больше разговора, потому что они знакомые для участников, например, из СМИ, поэтому легче говорить о них.

Вообще информанты согласились со стереотипными представлениями, однако они признавали, используя *освобождение от ответственности*, что они сознают, что это – стереотипные представления. Связующим фактором в нашем материале является критическое отношение к России. Стоит отметить, что у критического отношения

разные уровни. По-нашему мнению, интересно, что некоторые участники разделили российское государство и народ, и относились более критически к государству. Может быть народ такое сложное и проблематичное понятие, и они делают разницу между политической системой и людьми.

Согласно исследованию Салмела (2013), мы заметили, что наши информанты выразили довольно стереотипные представления о России и русских, но в отличие от этой работы наши информанты представили и неэссенциальные представления о России и русских, и эти оба типа представления чередовались. Обсуждение в фокус-группах и наш метод анализа позволяют возникнуть более разносторонним представлениям. В этом смысле наша работа отличается от предыдущих: нашей целью не являлось составить список представлений или стереотипов молодых финнов о России и русских, т.е. обобщать, а показать всякие возможные представления и их формирование в фокус-группе.

Вдобавок, наша исследовательская литература являются многоязычной – наш список использованной литературы содержит в себе работы на финском, русском и английском языке. Это является вкладом исследования в этой сфере, потому что по нашему знанию эту тему не исследовали с использованием этого метода (КДП) ни на финском и ни на русском языке.

Как заявила Лоунаасмери (Lounasmeri 2011): в финских СМИ Россия представлена как иная и чужая, в сравнении с другими странами. Возможно, что здесь существует какая-то связь, так как наши информанты часто описывали Россию как экзотическую и необычную. Обычно эти описания представили на базе негативных предубеждений против России и иногда их поддерживали с помощью информации, представленной в финских СМИ. Хотя некоторые информанты представили Россию как обычную страну, такое представление редко получило внимание и согласие. Важно обратить внимание на ответственность СМИ, потому что как в нашем, так и в других исследованиях (Raittila, Salmela, Vanhalakka) финские СМИ являются одним из главных источников информации, связанной с Россией. Некоторые информанты

разделили русского государства и народ – согласно Ванхалакка (Vanhalakka 2019) данное подчеркивание этой разницы может влиять на представление финнов о русских людей и таким образом, образ русских может становиться лучше.

Мы заметили, что большинство негативных стереотипов представили через личный опыт. По Нелсону (Nelson 2009), нам легче классифицировать незнакомых людей, и классификация ведёт к использованию стереотипов. Это интересно, потому что в нашем материале информанты, которые имеют русских знакомых, представили стереотипы таким же образом как те, которые их не имеют. Либкинд (Liebkind 1988) считает, чтобы избежать предубеждений, важно создать единство между группами – это было видно в нашем материале, когда информанты относились к самим себе и финнам критически и когда они представили сходство между русскими и финнами.

А позитивные стереотипы представили через вторичные источники, такие как опыты знакомых или Вилле Хаапасало. Как Ванлакка (Vanhalakka 2019) подчеркивает, в таких контекстах (индустрия развлечений) образ России является только позитивным. Как мы уже отметили в третьей главе, что позитивные стереотипы предлагают, что есть и негативные. Другая проблема с позитивными стереотипами в том, что образ России станет слишком простым, вместо более многостороннего образа. Наши участники заметили, что обычно они получают позитивную информацию про Россию в данных ТВ-шоу, но в СМИ информация часто негативная. Мы сделали такой вывод, что некоторые из информантов хотели бы получить более многостороннюю информацию о России в финских СМИ, и позитивных стереотипов, показанных, например, в ТВ-шоу, недостаточно, чтобы создать данный многосторонний образ России.

Во-первых, наше исследование является важным с точки зрения финского общества, потому что оно дает новую информацию о важной теме для финнов и Финляндии. Во-вторых, в нашем исследовании не повторяются стереотипные представления финнов о России и русских. Вместо этого мы демонстрируем спектр разных представ-

лений и показываем, как эти представления формируются в обсуждении. Это способствует возможности изучать данные представления подробнее и таким образом влиять на формирование представлений и особенно на формирование стереотипов и предрассудков.

Важным вопросом является, как наше исследование и его результаты можно применять? Например, с помощью нашего исследования можно думать, как преподавать иностранный язык и культуру, без стереотипов? Стереотипы и популяризованные представления являются привлекательными способами, чтобы рассматривать, показывать и преподавать, и даже понимать другую культуру, поэтому нам легко указывать на стереотипы. Одной целевой группой нашей работы являются преподаватели русского языка и культуры. Они обучают будущих преподавателей и экспертов русского языка, работающих в разных областях. Поэтому небезразлично, какие представления о России и русских они предлагают к будущим экспертам.

Как мы раньше заметили, из-за маленького отбора и выбираемого метода анализа, который является качественным, мы не можем показать представления как обобщения о взглядах молодых финнов. Это не является задачей качественного исследования, все-таки мы можем представить теоретические обобщения, генерализацию и показать спектр возможных представлений. Согласно нашей теории, человек не имеет только одну позицию, или одно представление. Следовательно, мы, например, не можем сказать, что кто-то является расистом на основе одного предложения или выступления.

У участников важная роль с точки зрения нашего исследования. Наши участники молодые финны, но, если группой информантов являлись бы, например, безработные с 50 до 60 лет, разговор может отличаться от обсуждений в наших фокус-группах и результаты будут различными. Вдобавок, стоит принимать во внимание, что возможно информанты рассказывают, что - как они думают, - исследователь хочет слышать. В нашем исследовании определенная тема и мы стремились получать от информантов информацию про эту тему, т.е. Россия и русские люди. Следовательно,

возможно они дали нам такую информацию, которую на их взгляд является полезной и интересной для исследования и исследователя.

По нашему мнению, было бы интересно продолжать исследование этой темы. На наш взгляд сам метод анализа, т.е. КДП, является хорошим с точки зрения цели работы. Сбор материала можно совершать по-другому, например, собирать материал из СМИ: разные форумы, Фэйсбук и т.д. На наш взгляд было бы интересно собирать материал через фокус-группы и личные интервью с такими же информантами и сравнивать результаты разных сборов материала. Далее, с точки зрения практики было бы полезно изучать, как поддерживать такую речь, которая вместо стереотипов и эссенциальных взглядов предлагает более многосторонние и неэссенциальные представления.

6 ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Согласно нашим результатам, информанты используют известные репертуары, например, из предыдущих исследований, СМИ и ТВ. На такие репертуары реагируют, и они вызывают больше разговора, чем неизвестные и неэссенциальные репертуары. Все-таки такие репертуары также появились в нашем материале в разговоре о русских и России.

Можно сделать общий вывод о том, что большинство участников относятся критически к русскому государству. В дополнение некоторые делают чёткое разделение между государством и народом. По Ванхалакка (Vanhalakka 2010) данное разделение может влиять положительно на формирование образа русских людей среди финнов. С другой стороны, некоторые относятся критически к предубеждениям против России, стереотипам, СМИ. Такие поляризованные репертуары приводят к рождению идеологических дилемм.

Мы видели в нашем материале, как разные представления, и эссенциальные и неэссенциальные, чередовались даже во время одного выступления. Это иногда приводило к формированию идеологических дилемм между участниками и даже индивидуумом. Мы нашли широкий спектр разных репертуаров, это означает, что существуют и разные позиции субъектов.

Как мы раньше заметили, эссенциальные представления являлись более доминирующими, чем неэссенциальные. На наш взгляд, возможной причиной является, что эссенциальные представления, т.е. стереотипы о России и русских являются более интересными для разговора, чем открытые и даже скучные репертуары, такие как: *люди как люди везде*. Вдобавок, возможно, что нам предлагают больше стереотипных и эссенциальных взглядов о России и русских, чем неэссенциальных, и поэтому они являются более знакомыми молодым финнам. Следовательно, они станут доминирующим и достигнут позиции, в которой они являются правдой, которую сложно ставить под вопрос. Хотя эти представления формировались в двух обсуждениях, нельзя отрицать влияние существующих представлений, т.е. предлагаемых репертуаров интерпретации; они играют важную роль в формировании наших представлений.

В этом контексте и согласно нашему методу, КДП, надо принимать во внимание исторический, политический и общественный контекст в сфере этой темы. История между странами, особенно войны и политическая деятельность России, вызвали дискуссию в обеих группах. Это часто связано со стереотипными представлениями и предубеждениями против России.

Мы также обратили внимание на представления, показанные в СМИ, в индустрии развлечений, т.е. фильмы, программы в ТВ и т.д. – какие репертуары являются доминирующими и получают ли популяризированные представления больше внимания? В этом смысле также у так называемых экспертов по России и русскому языку и культуре важная задача: представить ли больше стереотипов, чем соревнующихся взглядов о России и русских.

Нельзя забывать об ответственности индивидуума за распространение представлений, потому что о чём мы говорим, или не говорим и каким образом влияет на формирование представлений. Например, замечание о том, что как негативная речь производит более негативную речь, следовательно, один репертуар станет доминирую-

щим. Вдобавок, позитивные стереотипы представляли, чтобы сбалансировать ситуацию, но все-таки этого не было достаточно всем информантам и, например, данную дилемму о *является ли образ России односторонним*, не решили.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Кангас, М. 2015. *Представления российских студентов о финнах и Финляндии*.
Дипломная работа. Университет г. Ювяскюля
- Раутаваама, М. 1997. *Представления молодёжи в возрасте от 13-ти до 14-ти лет о России, русских и русском языке (Опыт анализа социальных стереотипов)*. Дипломная работа. Университет г. Ювяскюля
- Салмела, М. 2013. *Представления финских гимназистов об изучении русского языка, русской культуре и России*. Дипломная работа. Университет г. Ювяскюля
- Тюрикова, И. И. 2013. Концепты «Культура» и «Место» в эссенциалистской и конструктивистской парадигмах этнокультурных исследований. Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, (1), 65-69.
- Филлипс, Л., Йоргенсен, М. В. 2004. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Харьков: Гуманитарный центр.
- Ahonen, S. 1994. Fenomenografinen tutkimus. In *Laadullisen tutkimuksen työtapoja*. Ed. by Syrjälä, L. Helsinki: Kirjayhtymä.
- Budds, K., Locke A. & Burr, V. 2014. *Combining Forms of Discourse Analysis: A Critical Discursive Psychological Approach to the Study of "Older" Motherhood*. London: Sage.
- Burke, S., Diba, P., & Antonopoulos, G. A. 2020. 'You sick, twisted messes': The use of argument and reasoning in Islamophobic and anti-Semitic discussions on Facebook. *Discourse & Society*, 31(4), 374–389. Teesside University, UK: Sage
- Cooper, J., Blackman, S. J. & Keller, K. 2016. *The science of attitudes*. New York: Routledge
- Derwin, Fred. 2012. *The Routledge Handbook of Language and Intercultural Communication*. 2012. *Cultural identity, Representation and Othering*. Ed. by Jackson, J. New York: Routledge.

- Dervin, F., & Machart, R. 2015. *Cultural Essentialism in intercultural Relations*. New York: Palgrave Macmillan.
- Edley, N. 2001. Analysing Masculinity: Interpretative repertoires, Ideological Dilemmas and Subject Positions. In *Discourse as Data. A Guide for analysis*. Ed. by Wetherell, M., Taylor, S., J. Yates, S. London: Sage.
- Edwards, D. & Potter, J. 1992. *Discursive psychology*. London: Sage.
- Haslam N., Rothschild L., Ernst D. 2004. Essentialism and Entitativity: Structures of Beliefs about the Ontology of Social Categories. In *The Psychology of Group Perception : Perceived Variability, Entitativity, and Essentialism*, Ed. by Yzerbyt, V., Judd, C. M., & Corneille, O. New York ; Hove: Psychology Press
- Holliday, A. 2011. *Intercultural communication and ideology*. Thousand Oaks (Calif.): Sage Publications.
- Horton, D., & Wohl, R. R. 1956. Mass communication and para-social interaction; observations on intimacy at a distance. *Psychiatry*, 19(3), 215–229. Taylor & Francis
- Kangaspuro, M. 2011. Venäjä ja Suomi jatkuvassa sodassa. In *Näin naapurista: Median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Ed. by Lounasmeri, L. Tampere: Vastapaino.
- Laihiala-Kankainen, S. & Kangaspuro, M. 2000. *Russia, more different than most*. Helsinki: Aleksanteri Institute.
- Lakka, P. 2019. *Venäläiset arvostavat Suomea. Kouvolan Sanomat*
- Leyens, J., Yzerbyt, V. & Schadron, G. 1994. *Stereotypes and social cognition*. London: Sage.
- Liebkind, K. 1988. *Me ja muukalaiset: Ryhmäraajat ihmisten suhteissa*. Hki: Gaudeamus.
- Lippmann, W. 1922. *Public Opinion*. New York: Harcourt, Brace & Company
- Lounasmeri, L. 2011. *Näin naapurista: Median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Tampere: Vastapaino.
- Nagle, B., Williams, N. 2013. *Methodology Brief: Introduction to Focus Groups*. Center for Assessment, Planning and Accountability.
- Nelson, T. D. 2009. *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination*. New York: Psychology Press.
- Nokkala, A. 2008. Being interested in a big neighbour : Russia and the Finnish defence establishment. In *Russia forever?: Towards working pragmatism in Finnish/Russian relations*. Ed. by Rytövuori-Apunen, H. Helsinki: Aleksanteri Institute.
- Nshom, E. 2018. *Perceived Threat and Prejudice Towards Immigrants and Russian Minorities Living in Finland*. Dissertation. University of Jyväskylä.
- Potter, J. 2007. *Discourse and psychology: Volume 2, Discourse and social psychology*. Los Angeles: Sage Publications.
- Potter, J. 1996. *Representing Reality : Discourse, Rhetoric and Social Construction*. London: Sage
- Puchta, C. & Potter, J. 2002. *Manufacturing Individual Opinions. Market Research focus groups and the discursive psychology of evaluation*. *British Journal of Social Psychology* 41, 345–363.
- Puchta, C. & Potter, J. 2004. *Focus group practice*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications.

- Raittila, P. 1988. *Suomalaisnuoret ja idän ihmemaan*. Helsinki: Kouluhallitus.
- Raittila, P. 2011. Venäjä kansalaismielipiteessä. In *Näin naapurista: Median ja kansalaisten Venäjä-kuvat*. Ed. by Lounasmeri, L. Tampere: Vastapaino.
- Reynolds, J. & Wetherell, M. 2003. *The Discursive Climate of Singleness: The Consequences for Women's Negotiation of a Single Identity*. *Feminism & Psychology*, 13(4), 489–510.
- Rytövuori-Apunen, H. 2008. *Russia forever?: Towards working pragmatism in Finnish/Russian relations*. Helsinki: Aleksanteri Institute.
- Salo-Lee, Liisa 1996. Kieli, kulttuuri ja viestintä. In *Me ja muut: Kulttuurienvälinen viestintä*. Ed. by Salo-Lee, L., Malmberg, R. & Halinoja, R. Helsinki: Yle-opetuspalvelut.
- Salonius-Pasternak, C. 2020. *Eduskunnassa yhtenäinen rintama: Kansanedustajilla laaja konsensus Suomen turvallisuuspolitiikasta* FIIA Breafing Paper. Helmikuu 2019 / 278
- Seppänen, E. 2010. *Venäjä vanha tuttu, vaan niin vieras: Suomen naapurikuva todet, luulot ja harhat*. Helsinki: Tammi.
- Sidnell, J. 2010. *Conversation analysis: An introduction*. Chichester, UK: Wiley-Blackwell. Transcription conventions. In *Conversation Analysis: Comparative Perspectives* (Studies in Interactional Sociolinguistics, pp. Xv-Xviii). Ed. by Sidnell, J. Cambridge: Cambridge University Press.
- Stokoe, E., & Tileagă, C. 2016. *Discursive Psychology: Classic and Contemporary Issues*. New York, NY: Routledge.
- Tyni, S. 2017. *Stereotyyppit ja suhtautuminen Suomeen ja sen naapurimaihin Ruotsiin, Viroon ja Venäjään: Neljäsluokkalaisten mielikuvia meistä ja muista*. Pro gradu. Helsingin yliopisto.
- Vanhalakka, J. 2019. *Venäjä-kuva suomalaisessa mediassa*. Opinnäytetyö. Kaakkois-Suomen ammattikorkeakoulu.
- Vilkko, M. 2015. *Suomi on venäläinen*. Helsinki: Schildts & Söderströms.
- Vihavainen, T. 2004. *Venäjän kahdet kasvot. Venäjä-kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä*. Helsinki: Edita.
- Wetherell, M. 2007. Positioning and Interpretative Repertoires: Conversation Analysis and Post-Structuralism in Dialogue. In *Discourse and psychology: Volume 2, Discourse and social psychology*. Ed by. Potter, J. Los Angeles: Sage Publications.
- Wiggins, S. 2017. *Discursive psychology*. London: SAGE
- Yzerbyt V., et al., 2003. *The Psychology of Group Perception: Perceived Variability, Entitativity, and Essentialism*. New York ; Hove: Psychology Press
- Österlind, J., Hansebo, G., Andersson, J., Ternstedt, B.-M., & Hellström, I. 2011. A discourse of silence : professional carers reasoning of death and dying in nursing homes. *Ageing & Society*, 31(4), 529–544.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- Luukka, T. 2019. Paavo Lipponen Ylellä: Suomessa esiintyy liikaa Venäjä-vastaisuutta. *Газета Helsingin Sanomat*, 16.3.2019. <https://www.hs.fi/politiikka/art-2000006037717.html>. Дата ссылки 4.6.2020.

Mikkonen, S. 2016 *Asenteet haittaavat Venäjä-tutkimusta.*

<https://www.jyu.fi/fi/blogit/tiedeblogi/mikkonen>. Дата ссылки 15.8.2020.

Tilastokeskus. Väestörakenne. 2020.

https://www.tilastokeskus.fi/tup/suoluk/suoluk_vaesto.html Дата ссылки 31.3.2021

СЛОВАРИ

ТСРЯ Ожегова и Шведовой. 2010. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. Москва.

СТСРЯ. Современный толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова и других. 2004. Российская академия наук. Институт лингвистических исследований. Москва.